

ИННОКЕНТІЙ

Архієпископъ Херсонскій и Таврическій.

1800—1857 гг.

IV¹⁾.

Преосвященный Иннокентій, какъ мы видѣли, очень желалъ слышать мнѣніе своихъ петербургскихъ друзей о «Догматическомъ Сборникѣ» или «Памятникѣ вѣры». Мнѣніе было высказано лестное, но съ нѣкоторыми замѣчаніями и указаніями относительно того, что бы желательно въ трудѣ исправить или дополнить. Требуемая поправки и прибавленія преосвященный рѣшительно не могъ сдѣлать, такъ что «Сборникъ» оставался долгое время въ томъ видѣ, въ какомъ былъ. Иннокентій всетаки не терялъ надежды усовершенствовать его при болѣе благоприятныхъ обстоятельствахъ, но, видно, не довелось ему этого исполнить, какъ увидимъ ниже, въ своемъ мѣстѣ. Здѣсь же замѣтимъ только, что объ окончальной судьбѣ этого высокой важности труда преосвященнаго Иннокентія, доставившаго ему столько заботливости и хлопотъ, мы, въ сожалѣнію, свѣдѣній не имѣемъ.

Слѣдуетъ упомянуть также, что Иннокентій усердно занимался написаніемъ церковной исторіи Польши, надъ разработкою источниковъ для которой онъ немало потрудился еще въ бытность его въ Кіевѣ. Начало этого труда было приготовлено тогда же

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1878 г., томъ XXI, стр. 193—204, 547—572; томъ XXIII, стр. 367—398.

и послано на просмотръ въ Петербургъ; здѣсь его одобрили, и преосвященный, по прибытіи въ Харьковъ, началъ продолжать исторію польской церкви. 30-го марта 1842 г. онъ писалъ своему петербургскому пріятелю: «И такъ, судьба моей Польши развязалась. Очень радъ, что не усумнились позволить сказать истину, на что мы, русскіе, такъ, къ сожалѣнію, бываемъ нерѣдко слишкомъ боязливы. Теперь я съ увѣренностью буду доканчивать трудъ, признаюсь, любимый, ибо исторія церкви польской, кромѣ того, что очень занимательна, по моему, и весьма благопотребна для Россіи. Это лучшая апологія церкви православной. Но для меня безполезно знать: какъ смотреть на это дѣло у васъ и какъ будетъ принята напечатанная статья. Вы сдѣлаете одолженіе и мнѣ, и будущей исторіи церкви польской, если благоволите принять трудъ дать мнѣ нужныя, касательно сего предмета, свѣдѣнія. А, между прочимъ, я желалъ бы знать по сему случаю и о томъ, могу-ли я надѣяться высылки нѣкоторыхъ книгъ, нужныхъ для исторіи церкви польской, но кои крайне трудно достать частному человѣку. Это нѣкоторыя древнія хроники, находящіяся въ публичныхъ нашихъ библіотекахъ. Вы же когда-то указывали мнѣ на рукопись объ униатахъ и іезуитахъ въ Императорской библіотекѣ: можно-ли имѣть ее, или списокъ съ нея? Я бы съ удовольствіемъ заплатилъ за переписку что стоитъ, только бы скорѣе получить списокъ».

Черезъ годъ съ небольшимъ, 18-го іюня 1843 г., Иннокентій надѣялся прислать въ скоромъ времени своему другу «обозрѣніе реформаціи въ Польшѣ, какъ любопытнѣйшей эпохи въ исторіи церкви польской» .

Осуществилась-ли эта надежда неутомимаго историка-ислѣдователя, а также что стало съ послѣдующими занятіями по исторіи польской церкви, — объ этомъ у насъ подъ руками не имѣется положительныхъ данныхъ.

При такихъ научно-историческихъ трудахъ, преосвященному Иннокентію приходилось много и продолжительно заниматься въ отечественныхъ архивахъ, общественныхъ и частныхъ книгохранилищахъ, отыскивая древнія рукописи, хроники, списки и проч. При этомъ, по свойственной ему наблюдательности и изобрѣтательности ума, у него возникали разныя мысли и предположенія,

которыя хотя имѣли болѣе или менѣе непосредственныя отношенія къ характеру такого рода занятій, но въ то же время представлялись самостоятельными, самобытными. То, напримѣръ, у него являлась мысль написать книгу въ родѣ какогонибудь древняго сборника, которая была бы полезна въ томъ или другомъ отношеніи¹⁾, то возникало предположеніе объ описаніи или изданіи старинныхъ рукописей и т. д. Подобныя мысли преосвященный передавалъ своему петербургскому другу: и въ письмахъ, которыми мы пользуемся, ихъ разсѣяно изрядное количество. Какъ на образецъ разнаго рода такихъ предположеній, или, по слову самого Инновентія, «затѣй», мы приведемъ одинъ отрывокъ изъ письма его къ своему другу, относящагося ко времени, о которомъ идетъ рѣчь, именно изъ письма отъ 16-го февраля 1846 года:

«Роясь девять лѣтъ все въ древностяхъ, я невольно заразился мыслью еще объ одномъ изданіи, котораго ясно недостаетъ у насъ и которое было бы крайне полезно для исторіи церковной. Это церковный архивъ, программа коего при семъ препровождается къ вамъ²⁾. Въ свободный для васъ часъ взгляните на это и дайте намъ знать, какъ вамъ покажется. Очевидно, что такой трудъ можетъ раздѣлиться по частямъ, и каждое отдѣленіе будетъ имѣть свою самостоятельность.

«Для совершенной полноты архива можно пожелать еще одной части: это собранія свидѣтельствъ византійскихъ и западныхъ писателей касательно предметовъ, относящихся къ исторіи нашей церкви, въ родѣ Штриттеровой *Memoria rerum*. Но этотъ сборникъ, по моему, лучше издать особенно, чѣмъ не будетъ стоить и большаго труда, а только потребуетъ собранія книгъ, изъ коихъ нѣкоторыя весьма рѣдки.

¹⁾ И не только написать, а—просто, издать готовое. Такой мысли преосвященный держался до конца своей жизни. Напримѣръ, 18-го декабря 1855 г. онъ писалъ петербургскому другу: «Чтобы намъ сдѣлать хоть малое—напечатать особенною книжкою тѣ статьи изъ Трудовъ Археографической комиссіи, кои принадлежатъ къ церковной исторіи. Это было бы не малое одолженіе для занимающихся сею наукою, для всѣхъ академій и семинарій (духовныхъ)».

²⁾ Программу эту предполагалось издать въ свѣтъ. Какая постигла ее судьба—неизвѣстно было и самому Инновентію, какъ это можно заключить изъ писемъ его къ другу за послѣдніе годы его жизни.

«Помнится, я жаловался въ одной полуофіціальной бумагѣ на недостатокъ печатнаго описанія славянскихъ рукописей въ московской синодальной бібліотекѣ. Въ московской академіи есть прекрасный для этого человѣкъ—профессоръ Горскій. Съ помощію двухъ-трехъ сотрудниковъ изъ окончившихъ курсъ студентовъ, онъ можетъ сдѣлать это дѣло какъ нельзя лучше. По-годинъ—теперь экспрофессоръ—вызывается помогать труду. Вѣроятно, не откажется отъ того же и г. Бодянский.

«Да не мѣшало бы, между прочимъ, сдѣлать и вотъ что: собрать во-едино хранящіяся или, вѣрнѣе сказать—постепенно погибающія, рѣдкія рукописи изъ разныхъ монастырскихъ книгохранилищъ. Къ чему онѣ тамъ? А между тѣмъ, помѣщеніе въ одномъ какомъ-либо мѣстѣ и защитило бы ихъ отъ растраты, и сдѣлало бы доступными къ употребленію.

«Не знаю, извѣстно-ли вамъ, какъ поступалъ г. Строевъ съ монастырями? Онъ у многихъ отобралъ немало рукописей. Гдѣ онѣ? Между тѣмъ, слышно, что онъ продаетъ въ разныя руки свои коллекціи. Не мѣшало бы потребовать свѣдѣнія, откуда что взято имъ. Вѣдь такъ промышлять древностью грѣшно, если дѣйствительно былъ такой промыселъ. Я говорю это изъ Вологды, гдѣ по разнымъ мѣстамъ объясняли, что я могъ взять то и то».

Таковы были научные церковно-историческіе труды преосвященнаго Иннокентія; таковы мысли, предположенія и «затѣи» одного изъ великихъ іерарховъ русской церкви, до осуществленія которыхъ не дошло даже и наше время. Научные труды, къ какой бы области званія они ни принадлежали, есть достояніе немногихъ, такъ сказать, избранныхъ; осуществленіе желаній и предположеній принадлежитъ будущему. Преосвященный Иннокентій сознавалъ, можетъ быть, болѣе чѣмъ кто-либо, что научныя изслѣдованія полезны (почему онъ такъ ими и занимался), исполненіе благихъ намѣреній желательно. Но онъ всегда глубоко понималъ, что есть жизнь дѣйствительная, такъ сказать, настоящая, съ ея насущными потребностями, особенно въ религіозно-церковномъ отношеніи. Религіозное чувство принадлежитъ каждому человѣку, и ученому и не ученому, и богатому и бѣд-

ному, и дворянину и крестьянину. Вотъ, удовлетвореніе этому-то всеобщему религіозному чувству преосвященный всегда имѣлъ первую свою задачу, при всѣхъ его другихъ разнообразныхъ заботахъ и трудахъ. Такъ и теперь. «Тогда же (т. е. въ бытность въ Харьковѣ),—говорится въ «Біографической запискѣ»,—преосвященный Иннокентій началъ заниматься составленіемъ и издаваніемъ акаѣистовъ: Страстямъ Господнимъ, Покрову Пресвятыя Богородицы, Живоносному гробу и другихъ. Текстъ и содержаніе для этихъ акаѣистовъ онъ заимствовалъ, по его собственному признанію, изъ извѣстнаго западно-русскаго или Почаевскаго акаѣистника, но только сокращалъ, очищалъ, усовершенствовалъ въ силѣ»¹⁾. Судя по этой выпискѣ, можетъ показаться, что составленіе акаѣистовъ дѣло вовсе не трудное, а, пожалуй, и не важное. Нѣтъ; по нашему мнѣнію, для составленія этого церковнаго пѣсно-хваленія, хотя бы съ готовымъ текстомъ и содержаніемъ, требуется не только простое знаніе древняго церковно-славянскаго языка, но и духъ его, особенно въ религіозномъ отношеніи; затѣмъ, что сократить, что выпустить, чѣмъ замѣнить это или дополнить — дѣло, требующее глубокаго знанія вѣроученія православной церкви, главное—высокаго религіознаго чувства, которое, по выраженію Иннокентія, «есть душа всякаго слова, особенно церковнаго». Вотъ почему акаѣисты нашей церкви, въ томъ числѣ составленные и Иннокентіемъ, при сжатости, краткости и выразительности языка, обильны мыслями, богаты прекрасными образами, проникнуты безпредѣльнымъ христіанскимъ чувствомъ²⁾. Составить такое произведеніе, намъ кажется,—дѣло не легкое и не маловажное.

Другимъ предметомъ всегдашнихъ попеченій и заботливости преосвященнаго Иннокентія было проповѣданіе слова Божія—и въ храмахъ при своихъ частыхъ богослуженіяхъ, и изданіемъ церковныхъ собесѣдованій въ печати. Такъ, имъ постепенно изданы въ отдѣльныхъ книжкахъ: 1) О грѣхѣхъ и его послѣдствіяхъ—бесѣды на

¹⁾ «Вѣнокъ на могилу высокопреосвященнаго Иннокентія», изд. М. Погодинъ. Москва. 1867 г., стр. 33.

²⁾ Замѣтимъ еще, что акаѣисты Иннокентія, особенно «Страстямъ Господнимъ» и «Покрову Пресвятыя Богородицы», какъ нельзя лучше приспособлены къ потребностямъ и духу народа.

св. Четырдесятницу; 2) Молитва св. Еврема Сирина—бесѣды на св. Четырдесятницу; 3) Великій постъ, или новыя бесѣды на св. Четырдесятницу; 4) Паденіе Адамово — бесѣды на Великій постъ; 5) слова и рѣчи къ паствѣ харьковской, и 6) три слова о зимѣ. «Для объясненія такого обилія и отчасти самаго характера тогдашнихъ проповѣдей преосвященнаго Иннокентія, — говоритъ авторъ «Біографической записки», — считаемъ не лишнимъ привести нѣсколько словъ изъ его письма къ намъ, писаннаго въ 1847 г. «Жатва многа, необозрима, — а дѣлателей, какъ сами вѣсте, мало и далеко не по жатвѣ. Сіе-то самое и меня. при всѣхъ недосугахъ, заставляеть печатать по временамъ — именно, что Богъ послалъ, не заботясь много объ отличныхъ достоинствахъ мысли или слога въ печатаемомъ. Ибо изъ многихъ опытовъ, особенно писемъ ко мнѣ со всѣхъ краевъ Россіи, знаю какъ много вездѣ душъ, жаждущихъ духовнаго чтенія. Какая же бы съ нашей стороны была жестокость отказывать имъ въ пищѣ или заставляеть долго ждать потому только, что намъ хочется представить этотъ хлѣбъ на серебряномъ подносѣ, или съ извѣстными фигурами?» и проч.

Выше, въ своемъ мѣстѣ, мы упоминали, что преосвященнаго Иннокентія, въ бытность его еще профессоромъ, вмѣстѣ съ протоіереемъ Герасимомъ Петровичемъ Павскимъ, подозрѣвали въ «новшествахъ», или въ такъ называемомъ неологизмѣ, который будто бы обнаруживался въ ихъ лекціяхъ и даже въ сочиненіяхъ. Теперь Иннокентій высказалъ свой взглядъ на событіе, надѣлавшее въ то время много шума и доставившее немало хлопотъ какъ свѣтскимъ лицамъ, стоявшимъ во главѣ управленія духовнымъ вѣдомствомъ, такъ и знаменитымъ іерархамъ нашей церкви. Мы разумѣемъ дѣло, въ настоящее время уже достаточно выясненное, о «литографированномъ переводѣ библии на русскій языкъ». Для нашей цѣли, мы не видимъ необходимости подробно излагать все это дѣло; ограничимся лишь передачею существа его, изложеннаго въ «автобіографіи» Г. П. Павскаго, находящейся въ распоряженіи ред. «Русской Старины»¹⁾ и съ нѣкоторыми подробностями рассказаннаго П. Казанскимъ.

¹⁾ Редакція «Русской Старины» получила отъ Г. А. Орлова — внука этого достопамятнаго, высокочамѣтельнаго ученаго и священника, собраніе его бумагъ и его собственноручную автобіографію — чрезвычайно интересную; состав-

въ статьѣ: «Мысли и чувствованія митрополита Филарета по дѣлу отобранія литографированнаго перевода книгъ ветхаго завѣта»¹⁾.

Суть дѣла, какъ передаетъ г. Казанскій, заключается въ слѣдующемъ. Студенты С.-Петербургской духовной академіи сдѣлали переводъ пророческихъ и учительныхъ книгъ ветхаго завѣта, такъ какъ необходимость въ переводѣ ощущалась студентами чуть-ли не на каждомъ шагу ихъ занятій, при чемъ въ переводѣ сдѣланы были, при содѣйствіи нѣкоторыхъ профессоровъ, нѣкоторыя примѣчанія или поясненія относительно собственно пророчествъ. Въ видахъ облегченія издержекъ по литографированію, они предложили студентамъ Московской духовной академіи—не желаетъ ли кто либо приобрести экземпляры этого изданія. Изъ среды студентовъ, и даже наставниковъ академіи, нашлось немало лицъ, желавшихъ имѣть переводъ. Преподаватель по классу священнаго писанія въ Московской академіи о. Агаѳангель (умершій архіепископомъ волинскимъ) отнесся несочувственно къ этому переводу и въ распространеніи его «видѣлъ попытку пропагандировать неологическія идеи... Онъ къ тремъ митрополитамъ написалъ донесеніе о распространеніи этого перевода, указавъ и на нѣкоторыя неисправности самаго перевода, но особенно выставилъ неправильное изложеніе содержанія пророчествъ.... Никому въ академіи о. Агаѳангель не сказалъ о своемъ доносѣ».—Изъ этого доноса возникло дѣло, о которомъ идетъ рѣчь и которое могло бы кончиться почти ничѣмъ, такъ какъ, согласно съ дѣйствовавшимъ въ то время ценсурнымъ уставомъ, достаточно было безъ ценсуры отобрать упомянутый отлитографированный переводъ книгъ ветхаго завѣта. Но тутъ подвернулись нѣкоторыя побочныя обстоятельства.

Въ 1836 г. назначенъ былъ оберъ-прокуроромъ св. синода молодой полковникъ графъ Протасовъ, человекъ положительно не соотвѣтствующій своему высокому назначенію. Принялъ онъ это назначеніе съ восторгомъ²⁾. Коммисія духовныхъ училищъ

леяный по этимъ документамъ очеркъ будетъ напечатанъ въ «Русской Старинѣ».

Р е д

¹⁾ См. «Православное Обзорѣніе» за 1878 г., январь, стр. 106—118.

²⁾ Преосвященный Игнатій Брянчанниковъ въ одномъ письмѣ писалъ: «Когда г. Протасова сдѣлали оберъ-прокуроромъ, онъ пріѣзжаетъ къ генералъ-адъютанту Чичерину и говоритъ ему: «поздравь меня: я—министръ, я—архіерей, я—ч... знаетъ что». Ф и л а р е т ъ кievскій, услышавъ это, сказалъ: «справедливо только послѣднее» («Прав. Обзор.», стр. 109).

Н. В.

была вскорѣ уничтожена и ее замѣнило Духовно-учебное управленіе. При этомъ не безъ основанія опасались, что «все завѣдываніе духовными училищами перейдетъ къ синодальному оберъ-прокурору и начнется ломка уставовъ по личной прихоти людей, не имѣющихъ богословскаго образованія и не понимающихъ правильно нужды и положенія духовенства, или по одному тщеславному желанію выставить себя преобразователями. Могло быть даже худшее». Скоро новосозданное Духовно-учебное управленіе не замедлило передѣлать существовавшій до того времени уставъ. «Основная мысль вновь затѣяннаго преобразованія семинарій была та, чтобы дать болѣе практическій характеръ воспитанію семинаристовъ, и изъ нихъ хотѣли сдѣлать не только служителей церкви, совершителей таинствъ и учителей народа, но и врачей недуговъ тѣлесныхъ, руководителей въ сельскомъ хозяйствѣ, землѣмѣровъ, естествоиспытателей, и проч. Забыта была простая русская пословица: за семью зайцами погонисься, ни одного не поймашь»¹⁾).

Филаретъ московскій и другіе болѣе вліятельные іерархи нашей церкви отнесли къ учрежденію Духовно-учебнаго управленія. Это возбудило въ графѣ Протасовѣ непріязненное чувство, и онъ искалъ благопріятнаго случая показать духовнымъ отцамъ свою власть и вліяніе. Какъ разъ тутъ и полученъ былъ доносъ о. Агаѳангела о распространеніи литографированнаго перевода ветхозавѣтныхъ книгъ. По распоряженію графа Протасова, дѣло приняло не только серьезный, но даже опасный характеръ. Отъ 26-го февраля 1842 г. митрополитъ московскій Филаретъ писалъ намѣстнику Троицко-Сергіевой лавры архим. Антонію²⁾:

«Хорошо, что не жаль вамъ литографированнаго перевода ветхаго завѣта, но жаль, что онъ у васъ былъ. И переводъ не хорошъ, а особенно придѣланныя къ нему замѣчанія или введенія, противныя достоинству священныхъ книгъ и уничтожающія въ нихъ пророчества о Христѣ. Смотри на сіе дѣло такъ, какъ оно открылось, здѣсь (въ Москвѣ) смотрять на сіе дѣло не столько какъ на простой недосмотръ или недоумѣніе, — что дѣлать, сколько

¹⁾ «Прав. Обозр.», стр. 111.

²⁾ Тамъ же, стр. 114.

какъ на прикрытіе неправославнаго дѣла — на полученіе экземпляровъ сего перевода и непредставленіе ихъ начальству немедленно.

«Для уничтоженія вреда, уже сдѣланнаго, и для удовлетворенія нуждъ, конечно, надлежало бы доставить правильное пособие къ чтенію ветхаго завѣта съ разумніемъ; но худой переводъ сдѣлалъ еще болѣе страшную мысль и о хорошемъ переводѣ, котораго нѣкоторые и прежде боялись. Даже мысль издать славянскій переводъ съ объяснительными примѣчаніями встрѣчаютъ недоумѣніями и опасеніями. Одинъ Господь можетъ помочь людямъ своимъ, да не страдаютъ голодомъ слышанія слова Божія и да не пресыщаемы будутъ ложною пищею».

Г. П. Павскій въ вышеупомянутой «автобіографіи своей передаетъ дѣло такимъ образомъ:

«Видя, что я не совсѣмъ уничтоженъ первымъ натискомъ¹⁾, враги мои постарались сдѣлать вторую пробу придавить меня. Послѣ отказа моего отъ профессорства, ученики, довольные моими уроками, собрали мои уроки библейскихъ чтеній и, налитографировавъ, разослали и другимъ бывшимъ моимъ ученикамъ. Эти тетради налитографированныя попали и врагамъ моимъ. Эти уроки съ моей стороны были совершенно чисты; я ихъ преподавалъ, бывши профессоромъ академіи, въ виду всѣхъ. И другіе профессеры, при своихъ лекціяхъ, пользовались моимъ знаніемъ еврейскаго языка. Но московскіе невѣжды нашли несообразное съ «70-ю толковниками», и одинъ изъ нихъ, бывший тогда инспекторъ Московской академіи (Агаѳангель), написалъ на нихъ злую критику и по почтѣ, изъ Владиміра, послалъ къ тремъ митрополитамъ: с.-петербургскому Серафиму, московскому Филарету, кievскому Филарету. Прислалъ обвиненіе будто отъ своего имени. А между тѣмъ, меня увѣряли, что это новая продѣлка московскаго Филарета. Огорчась прежнею неудачею и моимъ рѣзкимъ отвѣтомъ на его прежнія замѣчанія, не мудрено, что онъ внушилъ и сію вторую попытку любимому своему монаху Агаѳангелу. Сія попытка Агаѳангела имѣла такое слѣдствіе:

¹⁾ Объ этомъ, какъ выше замѣчено редакціею «Русской Старины», будетъ въ свое время напечатано въ ея изданіи.

когда присланы были литографированный переводъ св. писанія и ябедническія замѣчанія къ тремъ митрополитамъ и дознано было чрезъ Карасевскаго, что я въ литографіи не участвовалъ, тогда было обращено вниманіе на виновниковъ литографіи, и отобраны были всѣ книги, сколько можно было найти. Между тѣмъ обращено вниманіе и на самый переводъ. Донесено было снова Государю обо мнѣ. И Государь позволилъ, въ бытности при томъ оберъ-прокурора и двухъ Филаретовъ митрополитовъ, спросить у меня—мой ли это переводъ и мои ли замѣчанія къ переводу? Я отъ этого дѣла не отрекся, поелику тутъ вины не было никакой, и митрополиты подали различные голоса касательно перевода св. писанія. А митрополитъ Серафимъ подавъ отдѣльный голосъ, что не надо и вовсе переводить св. писанія,—то они раз(но)голосицею своею испортили все дѣло, разсорились и вслѣдствіе сей ссоры разѣхались—кто въ Москву, кто въ Кіевъ, и никогда не стѣзжались. Симъ разстроилось, по волѣ Государя, скопище незаконное».

Такимъ представляется описываемое дѣло.

Пресвященный Иннокентій, лично не заинтересованный въ этомъ дѣлѣ, но близко принимавшій къ своему сердцу все касающееся православной церкви и ея ученія, 25-го ноября 1843 г. писалъ своему петербургскому другу слѣдующее:

«Скоро ли кончится дѣло у васъ о литографіи ветхаго завѣта? Сколько соблазна для всей церкви православной! И такъ ли врачуютъ раны, еслибы онѣ и въ самомъ дѣлѣ были опасны? Въ десять лѣтъ этихъ книжонокъ не было бы и такъ на свѣтѣ; на нихъ рѣдко кто обращалъ и вниманіе,—а теперь всѣ бросились читать. Что же, скажете, читать, когда книги отобраны? А списки и рукописи? Развѣ ихъ можно отобрать? Притомъ, что гнать въ окно, когда двери растворены? То же пишется въ иностранныхъ богословскихъ книгахъ, а ихъ ввозятъ тысячами. Да и какъ же ихъ не ввозить, когда у насъ есть кафедра богословія обличительнаго? Чтобы обличать, надобно знать, чтѣ обличаешь. Все это не значить, чтобы я стоялъ за отобранныя книжонки: я первый горько жалѣлъ, что онѣ увидѣли свѣтъ, и первый же, я думаю, отобралъ сіи книги, когда онѣ появились въ Кіевѣ.

бросивъ ихъ на чердакъ въ ученый хламъ. То же можно бы сдѣлать и со всѣми ими и вездѣ, безъ шума, безъ соблазна. А навести чрезъ нихъ подозрѣніе на всю академію, на всю іерархію, на всю, можно сказать, церковь! На что это похоже? Что же думать народу? Гдѣ искать православія? Кого держаться? Не мѣшало бы подумать и о томъ, отчего происходятъ подобныя явленія? У насъ все только обираютъ, а даютъ взаимѣнь что? Надобно накормить души: сытые сами не будутъ хвататься за всякое блюдо. Побольше мѣрь положительныхъ, а отрицательныя сами перестанутъ быть нужными ¹⁾).

«Прошу поворнѣйше принять сіи мысли и чувства за доказательство моей душевной откровенности предъ вами, какъ слѣдствіе неизмѣннаго душевнаго уваженія къ добротѣ души вашей, вашему просвѣщенному уму и извѣстному усердію къ пользамъ церкви православной. Если кончу, то мнѣ отъ всей души хочется, чтобы управление церковью, сопровождающееся видимымъ благословеніемъ Божиимъ во многихъ отношеніяхъ, было свободно отъ всѣхъ, самыхъ неважныхъ нареканий. И когда же ожидать сего, какъ не теперь, когда, по милости Божіей, благодаря попечительности неусыпной предрержащей власти, открылось столько средствъ къ осуществленію всѣхъ благихъ помысловъ?»... ²⁾).

Приведемъ нѣкоторые особенные случаи изъ общественной дѣятельности и частной жизни преосвященнаго Иннокентія за время пребыванія его въ Харьковѣ. Вскорѣ послѣ приѣзда его

¹⁾ Другой іерархъ нашей церкви, митрополитъ московскій Филаретъ, по тому же поводу, между прочимъ, писалъ: «Одни запретительныя средства не довольно надежны тогда, когда любознательность, со дня на день болѣе распространяющаяся, для своего удовлетворенія бросается на всѣ стороны, и тѣмъ усиленнѣе порывается на пути незаконныя, гдѣ не довольно устроены законныя». (См. ст. въ «Прав. Обзор.», январь 1878 г., стр. 115).

²⁾ Чѣмъ кончилось дѣло о литографированныхъ запискахъ ветхаго завѣта—будетъ разсказано на страницахъ «Русской Старины» особо. Здѣсь же пока замѣтимъ, что весной 1842 г. студенты Московской духовной академіи, выписавшіе изъ Петербурга означенныя записки, были допрошены особою слѣдственною комиссіею объ этомъ переводѣ; но за имѣвіе его студентовъ не подвергли никакому наказанію; не было наложено и церковнаго покаянія, хотя, говорятъ, и была объ этомъ рѣчь («Прав. Обзор.»).

Н. В.

сюда, произошел такой случай, о котором онъ самъ рассказываетъ въ письмѣ къ своему петербургскому другу, отъ 13-го сентября 1842 года:

«Спѣшу довести до свѣдѣнія вашего одинъ случай, довольно примѣчательный по своей необыкновенности. За двѣ недѣли назадъ, здѣшній гражданскій губернаторъ, въ одномъ разговорѣ со мною, сказалъ мнѣ мимоходомъ, что у него есть одинъ арестантъ, похожій на фанатика, явившійся въ полицію самъ и назвавшій себя бѣглымъ господскимъ человѣкомъ, посланнымъ за покупками, потерявшимъ 870 руб. за картами и отъ страха скрывавшимся отъ господина, но тревожимымъ совѣстію за сіе, и потому рѣшившимся добровольно явиться полиціи. На вопросъ—какому помѣщику принадлежитъ онъ, арестантъ не отвѣчалъ, обѣщаясь все сказать, когда просидитъ въ острогѣ шесть недѣль. Всѣ мѣры, употребленныя полиціею и самимъ губернаторомъ къ узнанію отъ него о его помѣщикѣ и мѣстѣ жительства, остались безъ дѣйствія: при угрозахъ онъ видимо радовался. Такой рассказъ заставилъ меня изъявить желаніе видѣть арестанта, какъ я дѣлаю это иногда въ нѣкоторыхъ случаяхъ. На другой день является ко мнѣ человѣкъ, съ видомъ чрезвычайно смущеннымъ; на первые вопросы отвѣты тѣ же, что губернатору; на дальнѣйшіе другіе, сначала нерѣшительность, потомъ полупризнаніе, наконецъ полная исповѣдь.

«Оказалось, что это священникъ Томской миссіи Глухаревъ, родной братъ архимандрита—начальника миссіи. Скучавъ миссіею, занятія коей были не по его духу, сей священникъ просилъ объ опредѣленіи его въ кievскую лавру. Поелику опредѣленіе сіе замедлилось, то онъ, взявъ пачпортъ, шелъ пѣшкомъ въ Кіевъ; но на пути представилось ему, что, для очищенія своихъ грѣховъ и для приготовленія къ монашеству, ему хорошо принять на себя какой либо тяжелый подвигъ, и онъ избралъ пребываніе въ острогѣ, яко особенно способное къ униженію самолюбія, для достиженія какого дѣла онъ и притворился бѣглымъ человѣкомъ. Изъ продолжительнаго собесѣдованія моего съ нимъ открылось, что это человѣкъ довольно образованный, знающій христіанство и теоретически изрядно, а практически еще больше, но съ восторженными мыслями, съ склонностью къ самому строгому аскетству; по совѣту моему, онъ рѣшился совершенно оставить

путь ложный, на который вступилъ-было по избытку ревности не по разуму. Теперь же губернаторъ передаетъ его мнѣ до времени, пока получатся о немъ справки изъ Томска. У меня онъ помѣщенъ будетъ въ монастырѣ, а частію и при моемъ домѣ. А между тѣмъ, какъ дѣло его довольно необыкновенно, то я по слѣдующей почтѣ думаю дать знать о немъ его сіятельству. Можетъ быть, послѣдуетъ какое либо распоряженіе касательно его дальнѣйшей судьбы. Всего бы лучше отправить его поскорѣе въ лавру, куда и его духъ стремится, ибо у насъ въ монастырѣ такія лица не придутся въ рядъ и не найдутъ себѣ сродной пищи».

Какъ епархіальный архіерей, преосвященный Иннокентій приобрѣлъ славу мудраго, опытнаго, справедливаго и глубоко-симпатичнаго архипастыря. «Всѣ боялись высокопреосвященнаго,—говорится въ однихъ воспоминаніяхъ о немъ,—всѣ твердили: съ этимъ владыкою не шути! Но вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ его любили, глубоко уважали и гордились тѣмъ, что Иннокентій — харьковскій владыка. Онъ во всю свою жизнь на паствѣ харьковской никого не заставилъ плакать безпричинно, и никто имъ не былъ стѣсненъ»¹⁾).

„За проступки наказывалъ милостиво, приспособительно къ лицу провинившагося; напримѣръ, по открытіи дѣвичьяго Николаевского монастыря, въ харьковской епархіи, высокопреосвященный велѣлъ отпѣть по церквамъ въ г. Харьковѣ благодарственный Господу Богу молебенъ; на повѣсткѣ объ этомъ одинъ изъ священниковъ ученыхъ написалъ: «куда какая радость!» А на повѣсткѣ о продолженіи изданія журнала «Воскреснаго Чтенія», гдѣ весьма часто помѣщались статьи высокопреосвященнаго Иннокентія, тотъ же ученый написалъ: «не стоитъ выписывать журналъ дрянной!» Владыка, за то и другое, только и сказалъ этому лицу: «За хулу на цѣлую академию и на монастырь походите-ка дней нѣсколько въ монастырь» (архіерейскую домовую церковь); а въ послѣдствіи содѣйствовалъ этому священнику въ полученіи магистерства и произвелъ въ протоіерея.

«Въ самыхъ мѣрахъ наказанія всегда было что-нибудь интересное, или забавное, или шуточное. Одинъ протоіерей просился въ придворное духовенство на томъ основаніи, что уже въ Харьковѣ кругъ дѣятельности малъ

¹⁾ См. «Вѣнокъ на могилу высокопреосвященнаго Иннокентія», стр. 118 и слѣд. Н. В.

для него; бумага возвращена была къ владыкѣ Иннокентію. Владыка сказалъ: «надо вразумить просителя». Какое же сдѣлано было вразумленіе? Положено было: каждую субботу прочитать эту бумагу и росписаться на листѣ: «читалъ такой-то», и сіе дѣлать дотогѣ, пока весь листъ испишется. А однажды велѣлъ преосвященный одному діакону положить двѣсти поклоновъ за куреніе табаку, и не велѣлъ никому постороннему объявлять — за что, а сказать: владыка жалѣетъ его груди и голоса».

Въ одной рукописи объ Иннокентіи, находящейся въ распоряженіи редакціи «Русской Старины», разсказывается, между прочимъ, слѣдующее:

Однажды преосвященный прибылъ въ г. Чугуевъ на освященіе новаго храма; сюда вызванъ былъ одинъ дьяконъ для рукоположенія во священника. Дьяконъ пріѣхалъ въ городъ вечеромъ наканунѣ архіерейскаго служенія и остановился у своего товарища по семинаріи, полковаго священника. Не видались давно, да и счастье для дьякона: вѣдь онъ завтра будетъ священникомъ; на радостяхъ-то два товарища подвыпили, вспомнили бурсу и свои проказы. Оказалось, что дьяконъ, будучи семинаристомъ, мастеръ былъ плясать подъ любимую имъ пѣсенку:

«А курочка по сѣнничкамъ—
Тѣхъ—терерѣхъ!
А курочка по новымъ —
Тѣхъ—терерѣхъ!»...

Полковой священникъ сталъ просить дьякона тряхнуть старинной, показать свою прежнюю удаль. Дьяконъ, не долго думая, пустился въ плясъ. Время было къ полночи. На бѣду злополучнаго дьякона, Иннокентій не могъ въ эту ночь уснуть и, въ сопровожденіи своего келейника, вздумалъ пройтись по городу. Проходя мимо дома, въ которомъ жилъ полковой священникъ, преосвященный, чрезъ незакрытыя ставнями окна, увидѣлъ пляшущаго дьякона и сильно постучалъ въ окно; товарищи узнали Иннокентія. На другой день, во время богослуженія, преосвященный, увидя въ алтарѣ несчастнаго дьякона, подозвалъ его къ себѣ и тихо сказалъ: «удались изъ алтаря. Ты проплясалъ свое священство». Затѣмъ, рѣшено было послать дьякона на два мѣсяца подъ начало въ монастырь. Самъ ли дьяконъ додумался, или кто научилъ его, только онъ написалъ преосвященному письмо, въ которомъ объяснилъ, что онъ плясалъ, какъ царь

Давидъ, въ священномъ восторгѣ. Иннокентій посмѣялся надъ такимъ остроумнымъ объясненіемъ и сократилъ монастырское подначаліе; но во все время своего управленія харьковскою епархіею онъ не посвятилъ дьякона во священника, сколько ни хлопотали объ этомъ прихожане.

Преосвященный Иннокентій, по единогласному свидѣтельству современниковъ, былъ очень милостивъ ко всѣмъ ищущимъ его помощи, особенно для лицъ служившихъ при немъ, или оказавшихъ какую либо услугу ему, даже самую незначительную; помочь въ горѣ, въ нуждѣ—было истиннымъ наслажденіемъ для преосвященнаго. «Одолжаться однимъ боюсь,—часто говаривалъ Иннокентій,—дабы иногда не остаться предъ кѣмъ въ долгу. Неблагодарный человѣкъ въ глазахъ моихъ—недостойное существо; боюсь себя уронить въ глазахъ своихъ». Неудивительно, поэтому, что цѣлыя семейства оставались на полномъ содержаніи преосвященнаго, а о единовременныхъ денежныхъ пособіяхъ и говорить нечего: они раздавались щедрою рукою; нерѣдко случалось, что Иннокентій отдавалъ послѣднія свои деньги, и затѣмъ самъ нуждался въ нихъ.

Въ упомянутой выше рукописи объ Иннокентіи повѣствуется, что въ Харьковѣ проживалъ бывший учитель Кіево-Печерскаго дворянскаго училища Ш—й, который былъ нѣсколько извѣстенъ преосвященному еще въ Кіевѣ. Ш—й не имѣлъ никакой должности и занимался преподаваніемъ кое-какихъ частныхъ уроковъ, которые къ тому же трудно было отыскивать; между тѣмъ, на его попеченіи была больная жена и 5—6-ти лѣтній сынъ. Семейство терпѣло крайнюю нужду во всемъ. Однажды, лѣтомъ, Ш—й случайно встрѣтился въ архіерейскомъ саду съ Иннокентіемъ, который узналъ его, съ участіемъ разспросилъ о его семействѣ и въ заключеніе разговора убѣдительно просилъ, чтобы онъ на другой день прислалъ къ нему своего сына. Ш—й обѣщался. Такъ какъ жена Ш—го была больна, а прислуги никакой не было, то отыскивали одну бѣдную женщину, назвали ее нянькою, и съ нею отправили сына въ Иннокентію, давъ обоимъ приличное случаю наставленіе.

«Этому прошло болѣе 36-ти лѣтъ,—говоритъ сынъ Ш—го въ своихъ воспоминаніяхъ объ Иннокентіи,—многія событія моего дѣтства совершенно изгладились изъ памяти, другія представляются

какъ-то смутно и неопредѣленно; но день моего представленія преосвященному Иннокентію такъ врѣзался въ головѣ, такъ ясно и живо очерчиваются мельчайшія подробности, какъ будто-бы это случилось на-дняхъ.

«Келейникъ ввелъ насъ въ большую комнату, на окнахъ и у стѣнъ которой стояло множество разныхъ цвѣтовъ, а полъ покрытъ былъ мягкимъ, красивымъ ковромъ. Келейникъ попросилъ насъ подождать; минутъ черезъ десять дверь съ лѣвой стороны отворилась и въ комнату неслышными шагами вошелъ Иннокентій. Благословивъ насъ, онъ сѣлъ на диванъ, а меня посадилъ къ себѣ на колѣни.

— «Молишься Богу?»—спросилъ меня преосвященный, выговаривая въ носъ.

— Молюсь.

— «Какія же ты знаешь молитвы?»

— Господи помилуй... Господи помилуй папу, маму и меня грѣшнаго,—проговорилъ я.

— «И тебя грѣшнаго?—какъ-то задумчиво повторилъ полувопросомъ Иннокентій.—А больше никакой молитвы не знаешь?»

«Я молчалъ.

— «Не знаешь, ну, Богъ тебя простить; ты еще малъ. Подростешь, много—много узнаешь молитвъ». Съ этими словами преосвященный приклонилъ мою голову къ своей бородѣ. Я сдѣлалъ легкое движеніе.

— «А, боишься меня?»—спросилъ онъ шутя.

— «Нѣтъ, не боюсь,—отвѣчалъ я, и въ подтвержденіе этого сталъ разглаживать широкую бороду Иннокентія. Нянька назвала меня за это дуракомъ.

— «Ничего,—вротко замѣтилъ преосвященный: — таковыхъ есть царство небесное».

«Послѣ этого онъ спросилъ о здоровьи моихъ родителей, вынесъ изъ сосѣдней комнаты большую просфору и маленькій пакетецъ, который отдавая мнѣ, сказалъ:

— «Передай отцу. Тебѣ конфетъ покупать. Да смотри не потеряй. Положи къ себѣ за пазушку. Теперь слушай меня со вниманіемъ. Завтра по всѣмъ церквамъ будутъ звонить: длинь-длинъ, бомъ-бомъ! длинь-длинъ, бомъ-бомъ! Это значить, что я уѣзжаю изъ Харькова. Дня черезъ два опять будутъ звонить:

длинъ-длинъ! бомъ-бомъ! длинъ-длинъ! бомъ-бомъ! Это значить, что я опять пріѣхалъ въ Харьковъ. И чтобы твой отецъ на другой же день пришелъ ко мнѣ; а если ему некогда, то чтобы ты пришелъ ко мнѣ. Понялъ меня?»

«Я отвѣчалъ утвердительно.

— «Слушай же еще разъ: завтра по всѣмъ церквамъ будутъ звонить: длинъ-длинъ, бомъ-бомъ!»... и Иннокентій повторилъ сказанное. «Передашь?»—спросилъ онъ.

— Передамъ.

— «А ну, какъ?»

— Я скажу папѣ: завтра длинъ-длинъ! бомъ-бомъ! вы уѣхали; а тамъ—длинъ-длинъ! длинъ-длинъ! бомъ-бомъ!—вы пріѣхали, и чтобы папа пришелъ къ вамъ, а то я приду съ няней.

«Преосвященный остался этимъ отвѣтомъ доволенъ и, благословивъ насъ, отпустилъ.

«Въ пакетцѣ отецъ нашелъ 100 руб. асс.»

По возвращеніи Иннокентія изъ поѣздки, когда Ш—й пришелъ къ нему, то оказалось, что болѣе посланныхъ 100 руб. у преосвященнаго денегъ не было; между тѣмъ онъ понималъ, что такая сумма недостаточна; послѣ поѣздки у преосвященнаго нашлось еще 150 руб., которые онъ и убѣдилъ Ш—го взять. Въ семействѣ Ш—го имя Иннокентія произносится съ благоговѣніемъ. Да и въ одномъ ли этомъ семействѣ?

При разносторонней, огромной дѣятельности, при постоянныхъ заботахъ о благѣ паствы, преосвященный находилъ возможнымъ удѣлять нѣкоторое время обществу, которое онъ любилъ; по примѣру того, какъ имъ сдѣлано было въ Вологдѣ, онъ завелъ у себя нѣчто въ родѣ литературныхъ вечеровъ. «Каждую пятницу,—говоритъ протоіерей Г.,—пріѣзжали, бывало, къ нему, въ 6 часовъ вечера—вся знать харьковская—мужчины и женщины, свѣтскіе и духовные; предлагалось всѣмъ угощеніе, и каждый, по избранію своему, бесѣдовалъ объ извѣстномъ предметѣ—съ кѣмъ случалось; а владыка, какъ отецъ семейства, или какъ главный директоръ общества, подходя то къ тому, то къ другому, и вслушиваясь въ разговоръ, любилъ или поддержать достойную рѣчь, или давать другое направленіе. Это тогда называлось вечерами литературы духовной. И прекрасно было! Здѣсь, бывало, видишь людей и узнаешь тѣхъ, съ коими не придется и

встрѣтиться. Никогда того въ полгода не вычитаешь изъ всѣхъ возможныхъ журналовъ, что, бывало, въ одинъ вечеръ узнаешь— и узнаешь легко» ¹⁾).

Въ 1845 г., «за отличное управленіе харьковскою епархіею» преосвященный Иннокентій возведенъ въ санъ архіепископа, а въ апрѣлѣ 1847 г. вызванъ былъ въ Петербургъ для присутстванія въ св. синодѣ, и навсегда распростился съ харьковскою паствою, которую преосвященный горячо любилъ, какъ это можно видѣть изъ собственныхъ его словъ, сказанныхъ въ письмѣ къ одному изъ лучшихъ своихъ друзей, А. С. Стурдзѣ: «Не безъ горести душевной для меня разлука съ Харьковомъ, къ коему привязанъ я многими неразрывными узами вѣры и любви о Христѣ» ²⁾).

Вызовъ преосвященнаго въ сѣверную столицу состоялся при очень неблагоприятныхъ для него обстоятельствахъ; въ это время онъ былъ нездоровъ, и ему болѣе чѣмъ когда-либо настояла надобность подышать весеннимъ украинскимъ воздухомъ. А тутъ необходимость отпраляться въ дальній путь. Поэтому, преосвященному весьма желательно было, по крайней мѣрѣ, отсрочить предстоящую поѣздку, хотя на нѣкоторое время.

«Я, послѣ праздника,—писалъ Иннокентій своему петербургскому другу, отъ 30-го апрѣля 1847 г.,—посѣщенъ былъ двумя тяжкими недугами, изъ коихъ одинъ передалъ меня другому. Теперь, слава Богу, прошли оба, оставивъ за собою только сугубую слабость въ силахъ. Въ такихъ обстоятельствахъ любвеобильное письмо ваше было для меня однимъ изъ лекарствъ, хотя возвѣщаемая вами поѣздка, при настоящемъ положеніи, представляетъ вдвое болѣе затрудненій. Странное дѣло! Въ жизни моей какъ будто какой законъ, что передъ поѣздкою изъ одного мѣста въ другое я подвергаюсь всегда тяжелой болѣзни. Нынѣш-

¹⁾ См. «Вѣнокъ на могилу высокопреосвященнаго Иннокентія», стр. 122.

²⁾ Въ послѣдствіи, проѣздомъ на новую епархію, Иннокентій заѣхалъ на три дня въ Харьковъ; но, по его собственнымъ словамъ, лучше бы было ему этого не дѣлать. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ петербургскому другу онъ говоритъ: «Три дня въ Харьковѣ были три дня слезъ. Даже потушилъ, что заѣзжалъ. Послѣ—время охолодило бы жаръ усердія».

ною весну я недугую уже въ другой разъ. Среди поста было болѣе недѣли труднаго нездоровья. Я думалъ самъ уплатить обычную даль весеннюю, вышло наоборотъ! Теперь, мы, повороясь необходимости, уже собираемся въ путь и семья моя скоро тронется съ мѣста. А мнѣ необходимо еще недѣли двѣ, а, можетъ быть, и три посидѣть дома и подышать украинскимъ воздухомъ. Иначе, можно навликать на себя новую бѣду. О всемъ этомъ по слѣдующей почтѣ я не премину писать къ его сіятельству; а между тѣмъ и васъ поворнѣйше прошу объяснить ему о моемъ положеніи. Трудное странствіе предлежитъ намъ! Легче и удобнѣе переѣзжать изъ епархіи въ епархію, нежели переселяться на время, но съ цѣлою семьею. Среди настоящихъ заботъ и усилій по сему случаю, не малымъ утѣшеніемъ служить то, что я скоро буду имѣть удовольствіе видѣться съ вами и бесѣдовать уже не тростію и чернизою, а отъ полноты души и сердца.

Во время пребыванія преосвященнаго Иннокентія въ Петербургѣ, послѣдовало, въ февралѣ 1848 г., назначеніе его на херсоно-таврическую епархію, и вслѣдъ за тѣмъ, въ апрѣлѣ того же года, онъ «за отлично-усердное служеніе церкви и отечеству, и въ особенности назидательное дѣйствованіе на сердца ввѣряемыхъ ему духовныхъ паствъ назидательнымъ проповѣданіемъ слова Божія, всемилостивѣйше сопричисленъ къ ордену св. Владимира 2-й степени».

Вскорѣ послѣ назначенія на новую епархію, Иннокентій началъ хлопотать объ отпускѣ—съ цѣлью поскорѣе познакомиться съ новымъ мѣстомъ своего архипастырскаго служенія, и не долго до отъѣзда, высказалъ свои мысли и чувства относительно этого назначенія въ письмѣ къ А. С. Стурдзѣ, находящемуся въ Одессѣ, гдѣ, между прочимъ, читаемъ: «Послѣ сего (назначенія) само собою приходитъ не только краткое свиданіе, но, если дастъ Господь, и долговременное сожитіе подъ небомъ юга... Путь не въ другое мѣсто, а въ Одессу, составляетъ для меня одно изъ немалыхъ утѣшеній. Одесскій край, хотя я видѣлъ его когда-то, какъ во снѣ, оставилъ во мнѣ впечатлѣніе самое благоприятное. Дай Богъ, чтобъ и мы приплыли по духу его, какъ онъ намъ. Хотя мы явимся съ истощенными силами, но, при помощи всевосполняющей благодати Божіей, не преминемъ употребить весь остатокъ ихъ на то, чтобъ быть не-

лѣнственными приставниками въ новомъ вертоградѣ Господнемъ. Съ наступленіемъ весны уповаемъ быть въ возможности начать путь въ вамъ на время, или безъ возврата на сѣверъ,—одинъ Господь вѣсть. Наше желаніе естественно стремится къ послѣднему; но и первое можетъ оказаться неизбѣжнымъ» («Херсонскія епарх. вѣдомости» за 1860 г., № 1).

Къ этому времени пребыванія Иннокентія въ Петербургѣ относится такой случай, въ которомъ онъ принималъ весьма живое участіе и какъ іерархъ русской церкви, и какъ добрый другъ лица, о которомъ идетъ дѣло. 10-го ноября 1847 г., преосвященный писалъ своему петербургскому другу: «Мы—какъ два полюса: очевидное вамъ—не ясно для насъ, и близкое въ намъ—далеко отъ васъ. Когда нибудь надобно произвести генеральный контроль по пунктамъ. Тутъ многое обнаружится и для насъ и для васъ. Но, о недоговоренномъ послѣ. Теперь новый предметъ рѣчи, привезенный мною изъ нѣгѣшняго засѣданія. Оказывается, что отъ добраго дѣла, сдѣланнаго въ пользу или, точнѣе сказать, въ правду о. Макарія, произошло ужасное омушеніе въ цѣлой академіи, которое не замедлитъ, конечно, распространиться по городу, а потомъ, по желѣзной дорогѣ—дойти до стоустой Москвы. Не то, чтобы не рады были въ академіи происшедшему, а всѣ, отъ мала до велика, въ недоумѣніи о непроизшедшемъ. И не безъ причины. Отъѣвъ здѣшняго владыки сдѣлался извѣстенъ до Кремля, т. е. отъѣвъ его объ академіи, въ коемъ онъ писалъ о ректорѣ и инспекторѣ вкуцѣ, и вдругъ видятъ всѣ ихъ раздѣленными по слѣдствію отъѣва... Можете судить какъ это положеніе тяжело для ректора академіи. Если бы не было упомянуто его имя, то все бы еще была какая либо благовидность, но теперь, по необходимости, рождаются неблагоприятныя толки. Неприятнѣе всего то, что, въ окончательномъ результатѣ ихъ, неблагоприятная тѣнь падаетъ на графа. Тяжесть, конечно, небольшая, но его лицо и безъ того столько обременяется несправедливыми нареканіями, что всякъ, кто дорожить имъ для пользы церкви,—а не дорожить понимающему дѣла нельзя,—долженъ считать за святую обязанность всячески удалить возможные поводы въ тому. Въ настоящемъ случаѣ тѣмъ нужнѣе по-

пѣщисъ объ удаленіи камня претыканія, что онъ не безъ дѣйствія, кажется, на здѣшняго владыку...

«Если бы угодно было знать какъ поправить дѣло, то отвѣтъ на это очень простой. Стоитъ только велѣть доложить отъѣзвъ владыки объ академіи (чего давно ожидаютъ) и препоручить кому-либо рассмотреть права ректора на предполагаемую степень. Сомнительности въ этихъ правахъ никакой. Одинъ московскій журналъ, имъ основанный и упроченный, въ другое время составилъ бы эпоху въ духовномъ просвѣщеніи. Кромѣ того, у него есть цѣлый рядъ сочиненій, хотя не слишкомъ ученыхъ, но зрѣлыхъ и благоплодныхъ. Возьмите потомъ въ сравненіе, за что давали докторскіе вѣсты другимъ, тѣмъ паче, за что дается эта степень по университетамъ. Бывалъ я не на одномъ десятѣ докторскихъ экзаменовъ по университетамъ, и всегда выходилъ съ мыслью: за что отъ духовныхъ требуютъ за эту степень Богъ знаетъ чего, а свѣтскимъ даютъ ее же, ни вѣсть за что... Въ дополненіе ко всему прибавьте, что на это—невеликое, конечно, дѣло—смотреть цѣлая Москва и, пожалуй, вынудится на оппозицію противъ книги о. Макарія... Словомъ сказать, все: и справедливость, и политика, и благородство, и благоразуміе—требуютъ неукоснительно поправить дѣло, поправить, если можно, такъ, чтобы удалить отъ него тѣнь, на него нашедшую.

«Не подумайте, чтобы моими мыслями и перомъ водило какое либо пристрастіе. Мы ни Павловы, ни Аполосовы, а принадлежимъ единому великому наставнику, Господу Иисусу. Общеніе мира и любви во Христѣ—вотъ нашъ девизъ! Можемъ, какъ и всѣ, ошибаться, но желали бы, въ самыхъ ошибкахъ нашихъ, водиться любовію.

«Въ полномъ упованіи, что языкъ нашъ понятенъ для вашего сердца».....

Черезъ два мѣсяца Иннокентій получилъ отпускъ и 29-го мая (1848 г.) прибылъ въ Одессу.

V.

Путешествіе преосвященнаго Инновентія изъ Петербурга въ Одессу было благополучное, хотя продолжительное и затруднительное; по дорогѣ, преосвященный заѣзжалъ, какъ мы видѣли, въ «милый и добрый» для него Харьковъ, посмотрѣлъ и полюбовался днѣпровскими порогами, останавливался во многихъ попутныхъ городахъ, и не безъ цѣли.

«Нынѣ день вашего ангела,—писалъ Иннокентій своему петербургскому другу изъ Еватеринослава, отъ 21-го мая 1848 г.,—и знаете-ли, гдѣ мы будемъ желать добраго здоровья доброму имяниннику? Среди пороговъ днѣпровскихъ, куда сейчасъ отправляемся изъ Еватеринослава. Немножко они восторону отъ дороги, но для такой особенности не важно сдѣлать 50 верстъ лишнихъ. Это—высокое въ книгѣ природы, которая, какъ вамъ извѣстно, у насъ въ Россіи не богата имъ. Спрѣсите: какъ мы ѣхали изъ С.-Петербурга до пороговъ? Почти такъ же, какъ Днѣпръ текъ до нихъ. Спокойно, и безъ паденія и шума».

«На дорогѣ,—пишетъ далѣе Иннокентій,—удивило меня общее сочувствіе къ проповѣдямъ моимъ, недавно помѣщеннымъ въ газетахъ. Даже на станціяхъ ямщики читали ихъ и остались благодарны; изъ этого я увидѣлъ, какъ надобно писать для народа въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ. Пожалуйста, закажите кому-либо, и печатайте. Нужно и полезно».

Въ другомъ письмѣ, отъ 5-го іюня того же года, преосвященный писалъ:

«Путь нашъ былъ благополученъ; только вездѣ приходилось бороться съ разными, даже нелѣпыми, предразсудками касательно нашей духовной части. Сколько ихъ разсѣяно по разнымъ мѣстамъ! Судя по сей одной причинѣ, надобно бы каждый годъ кому-либо путешествовать изъ Питера для возглашенія истины. Намъ внимали съ довѣріемъ.

«Въ Москвѣ одинъ изъ первыхъ вопросовъ былъ: что не сдѣлали докторомъ преосвященнаго ректора (Макарія) ¹⁾. Хотѣли пи-

¹⁾ Иннокентій говорить, вѣроятно, о сказанномъ выше дѣлѣ.

сать и въ Москвѣ проповѣди по случаю обстоятельствъ, но усумнились, какъ ихъ примуть. А писать о семъ—иногда очень нужно. Напечатанное въ Петербургѣ всюду произвело прекрасное дѣйствіе. По всей дорогѣ—благодарность, даже отъ людей самаго низшаго класса».

29-го мая (1848 г.) преосвященный Иннокентій, какъ сказано, прибылъ въ Одессу, а на другой день совершилъ первую свою торжественную службу и сказалъ первое слово къ новой паствѣ. «Жители Одессы,—говорится въ «Биографической запискѣ» объ Иннокентіи,—толпами стекались внимать и священнослуженію и проповѣданію своего знаменитаго архипастыря, тѣмъ болѣе, что скоро, какъ знали они, ему надлежало возвратиться для присутствованія въ св. синодѣ».

Свидѣтель-очевидецъ пріѣзда Иннокентія въ Одессу рассказываетъ слѣдующее¹⁾:

«Въ 1848 г. этотъ, безспорно, замѣчательнѣйшій изъ архипастырей россійскихъ сдѣлался нашимъ. Пріѣздъ его въ Одессу послѣдовалъ предъ самымъ праздникомъ Троицы, въ полночь, съ пятницы на субботу. Въ субботу, часовъ въ 11, представлялось новому своему владыкѣ городское духовенство. Знавшіе его по Кіеву не нашли въ немъ той свѣжести и крѣпости, которыми прежде свѣтлѣло лицо его. Лѣта, пастырскіе и кабинетные труды, и еще недавнее пребываніе въ Петербургѣ (который, по собственнымъ словамъ его, всегда разрушительно дѣйствовалъ на его здоровье) много измѣнили его... Всенощное бдѣніе того дня было первымъ служеніемъ его въ Одессѣ и первымъ вхожденіемъ въ кафедральный соборъ. Бывши въ то время седмичнымъ, я предназначалъ всенощную, и по каденіи церкви сталъ, какъ было въ обычаѣ при прежнемъ владыкѣ, по лѣвую сторону престола. Движеніемъ руки преосвященный указалъ мнѣ мѣсто предъ престоломъ. Далѣе: на входѣ вечернемъ, который, обыкновенно, совершается однимъ священникомъ, онъ велѣлъ облачиться еще двумъ священникамъ, и входъ совершенъ былъ соборнѣ. По его же слову, шестопсалміе читалъ ключарь собора; канонъ, кажется—архимандритъ; первый часъ—тоже архимандритъ. Припоминаю эти особенности перваго присутствія преосвященнаго Иннокентія въ одесскомъ кафедральномъ соборѣ по-

¹⁾ «Прибавленія къ Херсонскимъ епархіальнымъ вѣдомостямъ», ч. V, 1862 г., стр. 33—36. Н. В.

тому, что ихъ не могли не замѣтить и предстоявшіе въ храмѣ, внимательно слѣдившіе за дѣйствіями новаго владыки. Въ самый день Троицы, ко встрѣчѣ преосвященнаго, по его приказанію, были приготовлены букеты цвѣтовъ. При встрѣчѣ у входа въ храмъ, подходя ко кресту, служащіе священники принимали изъ рукъ владыки цвѣты, и съ ними, равно какъ и самъ владыка, шли къ царскимъ дверямъ для совершенія входной молитвы. На малый входъ священнослужащіе также выходили съ цвѣтами въ рукахъ. Подобное сему наблюдалось потомъ и въ другихъ случаяхъ, напримеръ, въ недѣлю Вайі.

«Во всемъ этомъ видѣнъ былъ Иннокентій, который не бывалъ безъ особенностей. Всегда въ дѣйствіяхъ онъ являлъ нѣчто новое и особенное... Произведя годичное испытаніе въ семинаріи, сколько помнится, раньше обыкновеннаго, онъ посвѣщилъ для обозрѣнія новой епархіи своей. И экзамены воспитанникамъ семинаріи произвелъ онъ особеннымъ, новымъ для насъ, образомъ. И учащіе, и учащіеся потребованы были въ крестовую архіерейскую церковь, и здѣсь обезоруженные—безъ книгъ и тетрадей, отложивъ въ сторону всякія программы и конспекты, испытывались тѣ и другіе «вся добръ вѣдущимъ» архипастыремъ. За то экзаменъ былъ краткій, не утомительный, но ясный какъ день... Послѣ экзамена преосвященный пригласилъ всѣхъ наставниковъ къ себѣ, и былъ съ нами какъ другъ и товарищъ, расточая ласки и шутки. Одному чахлому рекомендовалъ пить портеръ постоянно, хотя это было не по жалованью его; другому, богатой комплекціи, не позволялъ употреблять этого напитка и здѣсь, за столомъ. Нужно замѣтить, что преосвященный Иннокентій среди воспитанниковъ академіи бывалъ какъ бы въ домашнемъ кругу, называлъ ихъ, особенно кіевлянъ—своими присными».

Подобно тому, какъ въ епархіяхъ вологодской и харьковской, преосвященный Иннокентій и здѣсь тотчасъ же послѣ своего пріѣзда началъ обращать заботливое вниманіе на духовную семинарію ¹⁾, на духовныя училища, на дѣла мѣстной кон-

¹⁾ О ней преосвященный однажды говорилъ своему другу, что она «требуется многихъ попеченій. Самое внѣшнее ея состояніе таково, что нельзя видѣть ее безъ сожалѣнія. Живутъ и тѣснятся въ половинѣ дома, а другая занята пшеницею, или праздна. Гдѣ учатся, тамъ и спятъ. Можете судить о порядкѣ». Въ другой разъ Иннокентій о той же семинаріи петербургскому пріятелю писалъ: «Если бы можно было какъ нибудь ускорить постройкою нашей семинаріи, то это было бы большое благо не только для насъ, а и для Востока православнаго, ибо непрестанно является тамъ охота ѣхать учиться у насъ,—а какъ намъ соотвѣтствовать этому, когда самимъ жить негдѣ?» Н. В.

систоріи, на духовество, монастыри и обители, на общество и т. д., словомъ сказать—на ввѣренную ему новую паству, съ которою онъ не преминулъ ознакомиться, отправившись въ іюль (1848 г.) для ея личнаго обозрѣнія.

«Въ первомъ обозрѣніи епархіи,—говорится въ однихъ «Воспоминаніяхъ» объ Иннокентіи,—преосвященный провелъ довольно времени — съ половины іюля до половины сентября. По возвращеніи его домой, въ первый разъ мы слышали, какъ преосвященный архипастыръ передавалъ паствѣ, съ церковной каеедры, впечатлѣніе своего пастырскаго путешествія. И вѣковыя горы Тавриды съ ея дивными удоліями, и разноплеменное населеніе ея, и неестественность положенія господствующей религіи среди преобладающаго магометанства, и духовныя нужды православныхъ, и памятники священныхъ древностей, лежащіе въ развалинахъ, и драгоцѣнныя для насъ воспоминанія историческія,—ничто не было забыто архипастыремъ, все повѣдалъ онъ паствѣ своей, посвящая такимъ образомъ и пасомыхъ въ труды дѣланія, предстоявшаго ему на этой нивѣ».

Нѣсколько ранѣе того, именно 27-го іюня, самъ Иннокентій писалъ своему петербургскому другу, между прочимъ, слѣдующее:

«Вокругъ насъ все еще продолжаетъ свирѣпствовать недугъ. На-дняхъ дошла вѣсть, что начальникъ нашего Бизюкова монастыря, о. ректоръ Еватеринославской семинаріи, сдѣлался его жертвою. Примите, пожалуйста, трудъ доложить его сіятельству, чтобы повременили назначать новаго настоятеля къ намъ въ сей монастырь, ибо самый монастырь этотъ, можно сказать, при послѣднемъ издыханіи: такъ онъ обезлюдѣлъ, оскудѣлъ благочиніемъ, разстроенъ по всѣмъ частямъ. Совершенная необходимость поставить его впередъ на другомъ основаніи, иначе онъ будетъ служить, какъ уже и служилъ, въ поношеніе духовной части для всей окрестности. Между тѣмъ, у насъ есть способы возстать изъ развалинъ и вещественныхъ, и нравственныхъ, ибо онъ владѣеть, между прочимъ, 26-ю тысячами десятинъ земли. Первое условіе къ тому—особенный наличный настоятель, чего онъ не имѣлъ почти съ самаго основанія своего. Въ Бизюковѣ же мнѣ хочется основать или церковную школу для исключенныхъ учениковъ на приготовленіе ихъ въ причетники (въ чемъ здѣсь крайній недостатокъ), или даже перевести туда Елисаветградское

училище, коему на своемъ теперешнемъ мѣстѣ не достасть дома для помѣщенія.

«Князь Воронцовъ зоветъ меня въ первыхъ числахъ сентября въ Крымъ для свиданія. Надобно поѣхать. Но какъ послѣ сего успѣть явиться къ вамъ въ концѣ сентября? Просрочка неизбежна. Я уже не говорю о томъ, что холера помѣшала мнѣ обозрѣть епархію и заняться дѣлами, какъ слѣдуетъ, — а ихъ множество накоплено отъ прежнихъ лѣтъ. По всему этому великая милость была бы оставить насъ здѣсь, или продолжить срокъ (отпуска). Если нельзя (а почему нельзя?) перваго, то предайте намъ мысль о способѣ къ достиженію послѣдняго. Городъ здѣшній готовъ ухватиться за край нашихъ ризъ, чтобы не пустить насъ къ вамъ. Кажется, и князь тѣхъ же мыслей, какъ можно заключить изъ его ко мнѣ писемъ».

Приведемъ встать еще одинъ отрывокъ изъ письма къ другу, безъ означенія числа, но судя, по обстоятельствамъ, относящагося къ тому же времени (1848 г.):

«Болѣзнь смѣшала и испортила всѣ планы наши: вмѣсто предполагаемыхъ вояжей, такъ для насъ необходимыхъ для знакомства съ положеніемъ мѣстъ, лицъ и вещей, сидимъ дома и совершаемъ покаянныя молитвословія на площадяхъ и стогнахъ. Слава Богу, что народъ нашъ спокоенъ, и нисколько не раздѣляетъ вздорныхъ мыслей¹⁾».

«Что сказать вамъ о здѣшнемъ мѣстѣ? Если есть гдѣ и разстроенное, и неустроенное управленіе, то здѣсь. Училища — всѣ три — въ такомъ положеніи, что жалко смотрѣть. По сей же почтѣ я пишу о нихъ и молю о помощи. Надобно дѣлать почти все снова. То же съ тремя монастырями. Корсунскій очень изряденъ способами къ содержанію и даже постройками, но въ людяхъ совершенное оскуднѣніе. Бизюковъ, съ 26,000-ми дес. земли и прочими угодьями, едва имѣетъ до семи человѣкъ, и тѣ то

¹⁾ Рѣчь идетъ, вѣроятно, объ извѣстномъ республиканскомъ движеніи 1848 г., какъ можно заключить изъ слѣдующихъ словъ самого Иннокентія: «Лицей пользуется въ здѣшнемъ краѣ самою мною репутаціею, и не безъ причины: своего дѣла разумѣетъ мало, а готовъ иногда прокричать «слуга: vive la république! Впрочемъ, не заключайте по сему о здѣшнемъ (въ г. Одессѣ) образѣ мыслей. Все преспокойно! Иностранцы здѣшніе болѣе еще русскихъ чувствуютъ, какая великая разность жить подъ сѣнію твердаго правительства или зависѣть во всемъ отъ каждаго крикливаго шарлатана политическаго» Н. В.

слѣпы, то хромы. Стыдъ и жалость. Близъ самой Одессы — Успенскій въ такомъ положеніи, что прошедшую зиму вырубили шелвовичный садъ свой на отопленіе келій. Вдобавокъ — то же безлюдье. Посему первымъ долгомъ моимъ было отправить своего іеромонаха въ Харьковъ, Курскъ, Черниговъ и Кіевъ для приглашенія и набора братіи. Присовокупите къ сему женскій монастырь съ пріютомъ для сиротъ, до половины еще необдѣланный, а между тѣмъ переполненный людомъ всякаго рода; каедральный соборъ, требующій для окончанія построекъ большихъ суммъ; дѣла консисторіи, запущенныя за нѣсколько лѣтъ, особенно метрики; — несносную пыль съ улицъ, несносный запахъ съ моря, — и вы будете имѣть понятіе о нашемъ положеніи. А тутъ надобно думать о возвратѣ къ вамъ, не настроивъ хода дѣлъ, не успѣвъ распорядиться хорошо даже своимъ домомъ. Скажите, пожалуйста, какъ бы намъ продлить здѣсь свое пребываніе? Воронцовъ общаетъ быть въ Крыму въ сентябрѣ; вѣдь надобно же съ нимъ повидаться. Это свиданіе полезно съ разныхъ сторонъ для епархіи. А при семъ свиданіи нельзя послѣтъ въ срокъ. И не лучше ли, если мы явимся съ полнымъ сознаніемъ о здѣшней епархіи, о нашихъ нуждахъ, и о прочемъ. Всего бы лучше остаться намъ вовсе здѣсь и мы приняли бы это за великую милость».

Но это желаніе преосвященнаго Иннокентія не исполнилось; онъ долженъ былъ отправиться въ сѣверную столицу. Весною слѣдующаго 1849 г., преосвященный снова взялъ отпускъ, чтобы побывать въ своей епархіи.

«Мы, хотя вполонину, теперь дома, — писалъ Иннокентій, 21-го мая, своему петербургскому другу, — и собираемся отъ дороги и съ силами, и съ мыслями. Я говорю: вполонину, ибо домочадцы и необходимые сослужители мои, отпущенные еще 13-го апрѣля, доселѣ въ дорогѣ; можете посудить посему о продолжительности пути. Всегда странствуютъ они не менѣе сорока дней, какъ будто по образу четырехдесятилѣтняго странствованія израильтянъ по пустынѣ. И точно, не смотря на множество городовъ на пути, эта дорога для нихъ, по недостатку знакомствъ, какъ пустыня. Много терпятъ они всего — между прочимъ, отъ нездоровья; здоровье трудно бываетъ имъ уберечь въ цѣлости среди разнообразія воздуха, воды, пищи и проч.

«О путевыхъ замѣчаніяхъ и впечатлѣніяхъ побесѣдуемъ когда-

либо, по душѣ, послѣ. А теперь скажу одно, что Одесса наша съ прошедшаго года начала принимать особый характеръ — не хотѣлось бы сказать — характеръ города поляко-жидовскаго. Первыхъ, поляковъ, наѣхало отсюду множество и большая часть изъ нихъ покупаетъ и строитъ дома. Послѣдніе также строятъ по всѣмъ улицамъ, вслѣдствіе узаконенія о томъ, чтобы не было здѣсь жидовъ неосѣдлыхъ. А русскій элементъ въ прежнемъ, обыкновенномъ видѣ. Горько подумать, что мы въ нѣсколько лѣтъ совершенно понизаемъ подъ многочисленностью этого разноплеменья, изъ коего одна половина не лучше другой.

«Даже учебная часть наша подверглась съ сей стороны уже сильному и весьма неблагоприятному вліянію....

«По нашей части, слава Богу, я нашелъ все благополучно; только домъ нашъ ветшаетъ видимо и сверху до низу даже нѣсколько трещить, а ограда едва не вся распалась. Строенъ онъ былъ для большаго пана и съ большими издержками, но, по порученію, факторами, слѣдовательно только для вида и на живую нитку».

Осенью этого 1849 г. Иннокентій долженъ былъ снова явиться въ Петербургъ на чреду присутствованія въ св. синодѣ. Это сильно сокрушало преосвященнаго какъ по отношенію его собственнаго здоровья, такъ и потому, что епархіальныя дѣла, далеко не устроенныя, требовали его личнаго присутствія.

«Вотъ уже половина и лѣта, — писалъ Иннокентій 17-го іюня своему петербургскому пріятелю, — а мы еще не успѣли хорошо осмотрѣться на своемъ мѣстѣ. Май (т. е. половина) прошелъ въ свиданіяхъ и бесѣдахъ съ владыкою балаклавскимъ, который жилъ у меня до 10-го іюня, по случаю прибытія брата его изъ Греціи; іюнь пробѣжалъ среди употребленія минеральныхъ водъ и безконечныхъ всякаго рода экзаменовъ; теперь нужно побывать въ Корсунѣ, Мелитополѣ и Бердянскѣ, мною еще невиданныхъ. А тамъ — крестный ходъ, а тамъ — пріѣздъ къ намъ князя Воронцова, — вотъ и августъ! Остается одинъ сентябрь, и тотъ надобно употребить для Крыма, — и за симъ опять въ Петербургъ, опять 2,000 верстъ среди грязей и морозовъ, дождей и снѣговъ!... Не знаю, за какія прегрѣшенія выпала намъ такая скитальческая жизнь и къ какому угодику обратиться съ молитвою объ освобожденіи отъ такихъ напастей. Ей, изнемогаетъ

и духъ, и тѣло. Не говорю уже о томъ, что при такомъ образѣ жизни надобно бросить всѣ почти любимыя занятія душевныя. Нekoгда ни прочесть что-либо, какъ должно, ни подумать хорошо, тѣмъ паче написать. Пишу это къ вамъ, потому что не передъ кѣмъ болѣе поплакать. Пусть слезы наши будутъ у васъ, другому нивому не отдадимъ ихъ»....

Нежеланіе свое вновь ѣхать въ Петербургъ преосвященный Иннокентій высказывалъ своему другу неоднократно, равно какъ и необходимость остаться въ епархіи, приводя въ доказательство этого разныя причины. «По свиданіи съ княземъ,—писалъ, на-примѣръ, преосвященный отъ 29-го августа (1849 г.), — думаю побывать въ Крыму, чтобы получше осмотрѣть мѣста, предполагаемыя къ восстановленію. Это займетъ цѣлый сентябрь. И вотъ, послѣ того надобно будетъ въ долгій путь—на сѣверъ! Увы намъ, скажемъ съ Давидомъ, яко пришельствіе наше продолжися».

Осенью Иннокентій прибылъ въ Петербургъ. Здѣсь обратило на себя его вниманіе, между прочимъ, такое обстоятельство, о которомъ онъ сообщалъ своему другу записочкой отъ 10-го января 1850 г.

«Посылаю письмо, о коемъ была рѣчь. Изъ него вы увидите, какъ извѣстная монахиня злоупотребляетъ мнимымъ и притвореннымъ себѣ даромъ видѣнія, ради корысти. Жуковъ, о коемъ идетъ въ письмѣ рѣчь, до сихъ поръ здравствуетъ. Слепецъ былъ у владыки въ Невскомъ и рассказалъ, что слѣдуетъ, равно какъ показывалъ и это письмо. Тамъ собираются выжить ее изъ лаврской квартиры. Но этого, кажется, мало: переѣхавъ квартиры не помѣшаетъ ей продолжать обманывать добродушныхъ людей; говорятъ, она собираетъ большія суммы; между прочимъ, къ ней ѣздить и фрейлины. У нѣкоторыхъ она, письмами, якобы просила уже по 20,000 руб. асс. Теперь будто собирается въ Сибирь. Птица изъ рѣдкихъ!»

Засимъ, въ это время почти не было переписки между друзьями, такъ какъ они оба находились въ Петербургѣ. Время приближалось къ веснѣ, и преосвященный усильно началъ хлопотать объ отпускѣ, котораго требовали и состояніе его здоровья, и нужды епархіи. «Возвратъ домой для насъ теперь—необходимость,—писалъ 16-го апрѣля своему другу Иннокентій;—такъ чувствуемъ мы сами, такъ утверждаютъ и врачи. Посему пошор-

нѣйшая просьба наша къ вамъ: припомните его сіятельству мои просьбы объ отпускѣ. Пусть приметъ трудъ доложить о семъ государю. Время для сего осталось не велико. Государь, слышно навѣрное, отправляется въ путь тотчасъ послѣ Пасхи. Намъ бы тоже, если дастъ Богъ, хотѣлось пуститься домой въ первыхъ числахъ мая».

Отпускъ былъ данъ, и Иннокентій, уже изъ Одессы, 12-го іюня (1850 г.), писалъ своему петербургскому пріятелю:

«Хотя мы и отделились теперь отъ васъ на двѣ тысячи верстъ, но дерзаемъ уповать, что и въ семъ отдаленіи мы не чужды вамъ и никогда не будемъ такими. Посему спѣшимъ извѣстить, что, при помощи Божіей, мы благополучно достигли своихъ предѣловъ и даже осмотрѣли на пути большую часть степей бердянскихъ и мелитопольскихъ. Теперь мы въ своей стихіи и начинаемъ собираться съ мыслями, изъ коихъ многія невольно несутся къ вамъ.....

«Одесса видимо рада намъ. Ее смутили слухами о болѣзни моей, крайне увеличенными. Будемъ трудиться для ея блага: край и городъ стоятъ того».....

Черезъ годъ, именно въ сентябрѣ 1852 г., преосвященный Иннокентій еще разъ, и уже послѣдній, вызванъ былъ въ Петербургъ. Странное было положеніе преосвященнаго: челоуѣка больнаго заставляють зиму проводить на сѣверѣ, а лѣто на югѣ. И съ какою цѣлью это дѣлалось? Развѣ ужъ нельзя было обойтись безъ Иннокентія?—тѣмъ болѣе, что онъ, какъ видно, не могъ хорошенько ознакомиться съ состояніемъ своей обширной епархіи. А тутъ наступали на югѣ грозныя событія. «Что могу я придать своимъ присутвіемъ св. синоду?»—писалъ Иннокентій своему петербургскому другу 21-го іюня 1852 г., когда ему особенно не желательно было, по многимъ причинамъ, оставить свою епархію.—«Слава Богу, іерархія наша такъ не скудна людьми, для него нужными, что отсутствіе мое ни для него не будетъ замѣтно, ни для чего не можетъ быть вредно. У меня же дома не мало дѣлъ, кои требуютъ моего присутвія».

А что это послѣднее не пустая фраза, увидимъ ниже; теперь же мы замѣтимъ, что подобныя мысли преосвященный высказывалъ, можно сказать, постоянно, «нелѣпно толкая въ двери (куда слѣдуетъ) и вопія о нуждѣ». Такъ, напримѣръ, въ письмѣ отъ 18-го декабря 1850 г. Иннокентій заявлялъ своему другу:

«Тяжело отзывается намъ трехлѣтнее отсутствіе со своего мѣста; надобно вознаградить многое. И, разумѣется, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, для собственнаго успокоенія. Но этотъ повои долженъ быть добытъ усиліемъ, и не малымъ. Слава Богу, къ концу года довольно пообдѣлано, но далеко не все. Нуженъ, по крайней мѣрѣ, годъ труда, чтобы потомъ предаться обыкновенному теченію вещей и дѣлъ. Хорошо то, что предметы труда теперь передъ глазами, не то, что было за двѣ тысячи верстъ. Можно самому наблюдать, поощрять, исправлять и утѣшаться исполненіемъ, даже не полнымъ».

11-го іюня 1851 г. преосвященный пишетъ: «...Я отправляюсь въ Крымъ, и велитъ ли Господь возвратиться оттуда? Такъ теперь этотъ, прежде простой, путь не безопасенъ, не столько отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ, сколько отъ разныхъ болѣзней, здѣсь свирѣпствующихъ. Хочется, между тѣмъ, объѣхать весь полуостровъ, начиная съ Севастополя Надобно же сказать хоть слово утѣшенія бѣдствующей собратии, а между тѣмъ понещись лично о ея нуждахъ матеріальныхъ. За 700 верстъ скоро ли подашь помощь?»

Въ концѣ этого же года (20-го декабря 1851 г.) преосвященный Иннокентій по тому же поводу, въ письмѣ въ своему петербургскому пріятелю, выражается болѣе опредѣленно и рѣшительно. «Охотно винимся предъ вами въ нашемъ молчаніи. Время какъ будто ускорило ходъ свой, и не видимъ, какъ пролетаютъ недѣли и цѣлые мѣсяцы. То я странствовалъ долго по всему свѣту новороссійскому, то боролся со множествомъ дѣлъ, кои накопились въ мое отсутствіе и настоятельно требовали своего конца.

«Куда какая разность здѣшней епархіи отъ Харькова, Вологды, даже Кіева! Послѣднія три, даже въ сложности, едва равняются первой, такъ что, при всей привычѣ къ дѣламъ, трудно успѣвать вести ихъ, какъ должно. Главною причиною таковой разности—множество отдѣльныхъ свѣтскихъ управленій, съ конми съ каждымъ нужно вѣдаться, какъ съ особою державою»¹⁾.

¹⁾ Вслѣдствіе этого, замѣтимъ кстати, Иннокентій ходатайствовалъ передъ духовнымъ начальствомъ объ увеличеніи штата духовныхъ консисторій въ западныхъ епархіяхъ.

Дѣйствительно, преосвященному Иннокентію предстояло много работы по херсоно-таврической епархіи, особенно если вспомнить его оригинальный взгляд на вещи, его пытливость и любознательность, его желаніе и умѣнье придать каждому, по видимому, незначительному и обыденному событію, или предмету, характеръ своеобразности и интереса. Кромѣ сказаннаго выше, обратимъ вниманіе еще на слѣдующее.

Преосвященный всегда интересовался Крымомъ, и еще въ бытность его въ Кіевѣ высказывалъ непремѣнное желаніе побывать тамъ, что и исполнилъ тогда же, въ 1836 г., воспользовавшись для этого обзорѣніемъ своего академическаго округа. Не удивительно поэтому, что теперь, съ назначеніемъ Иннокентія въ Одессу, Крымъ, составлявшій часть тогдашней херсонской епархіи, сдѣлался предметомъ особенныхъ его заботъ и попеченій. «Это былъ предметъ, съ котораго владыка—дома ли былъ, или въ Петербургѣ—не спускалъ глазъ своихъ. Въ другихъ мѣстахъ обширной епархіи онъ былъ едва однажды во все время управленія; въ Крыму же нерѣдко въ одно лѣто бывалъ онъ раза по два».

Главная задача пастырскихъ трудовъ Иннокентія въ Крыму заключалась въ восстановленіи памятниковъ христіанскихъ древностей. Преосвященный принялся за дѣло тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ и энергіею, что объ этомъ просили его всѣ православные жители Крыма. «Крымскій Аeonъ нашъ,—писалъ Иннокентій своему петербургскому другу 29-го августа 1849 г.,—не остается подъ спудомъ. Съ недѣлю уже, какъ получена мною просьба отъ всего, можно сказать, Крыма о восстановленіи тамошнихъ св. мѣстъ. И здѣсь (въ Одессѣ) сочувствіе этому дѣлу полное. Остается побесѣдовать съ княземъ (Воронцовымъ), котораго и ждемъ здѣсь, и потомъ приступимъ въ дѣлу, для котораго уже являются жертвователи. За матеріальными средствами не станетъ дѣло; главная трудность будетъ въ томъ, чтобы найти людей, способныхъ въ житію пустынному. Но если угодно Господу, то явятся и дѣлатели достойные». А ровно черезъ мѣсяць (29-го сентября) преосвященный по тому же поводу писалъ:

«Въ бытность здѣсь князя намѣстника я имѣлъ удобность подробно переговорить съ нимъ обо всемъ, нужномъ для здѣшняго края. Онъ оказалъ совершенное согласіе на все ему предложен-

ное и обѣщала полное содѣйствіе. Между прочимъ, ему весьма понравился мой проектъ крымскій, который, вмѣстѣ съ симъ, и посылается вамъ на вѣлейную ревизію. Формальное дѣло о семъ заведемъ, если дастъ Господь, уже въ Петербургѣ.

Крымскій проектъ, о которомъ здѣсь упоминаетъ преосвященный, вѣроятно, есть ничто иное, какъ его «Записка о возстановленіи древнихъ святыхъ мѣстъ по горамъ крымскимъ», одобренная св. синодомъ и утвержденная государемъ ¹⁾.

Необходимость возстановленія древнихъ христіанскихъ памятниковъ или св. мѣстъ въ Крыму Иннокентій въ этой «Запискѣ» объясняетъ слѣдующими соображеніями:

«а) Этимъ поддержалась бы, особенно въ глазахъ иновѣрцевъ, честь вѣры христіанской и русскаго правительства.

«б) Сохранились бы отъ конечнаго разрушенія мѣста, по многимъ причинамъ стоящія вниманія всякаго просвѣщеннаго человека.

«в) Образовались бы непримѣтно средоточія тихаго, благотворнаго дѣйствія вѣры христіанской на окрестное населеніе татаръ и, кто знаетъ?—можетъ быть, приготовили бы постепенно сближеніе мусульманъ крымскихъ съ христіанствомъ.

«г) Самимъ путешественникамъ по горамъ крымскимъ пріятно было бы, вмѣсто мертвыхъ и безгласныхъ развалинъ, наводящихъ грусть и уныніе, находить по мѣстамъ вристаніща священныя, гдѣ бы вмѣстѣ съ тѣломъ могъ опочить и духъ.

«Все, здѣсь изложенное, почувствовалъ и созналъ, можно сказать, весь Крымъ христіанскій, какъ то можно видѣть изъ прошенія его въ епархіальному начальству».

Перечисливъ, затѣмъ, св. мѣста, которыя должны быть возстановлены, и сказавъ, что на это, равно какъ и на содержаніе монаховъ, средства найдутся отъ частной благотворительности, преосвященный находилъ, что образъ жизни монашеской въ этихъ новыхъ святахъ долженъ быть такой же, какъ въ Греціи, на Аеонской горѣ.

«Въ бѣльшей части Россіи,—говоритъ Иннокентій,—это предпріятіе — аеонскаго смодѣлжничества — почти невозможно, по

¹⁾ Напечатана въ «Херсонскихъ епарх. вѣдомостяхъ» за 1861 г., № 11, стр. 177—190. Н. В.

самому физическому мѣстоположенію ихъ среди страны многонаселенной, за исключеніемъ развѣ одного острова Соловецкаго, монастыря на Балаамѣ, и Каневцѣ и пустыни Саровской. Но наши горы Таврическія представляютъ къ тому рѣдкую и совершенную удобность во всѣхъ отношеніяхъ. Если отшельниковъ на Аеонѣ привлекаютъ горы подъоблачныя, безмолвіе и удаленіе отъ мятежа человѣческаго совершенное, близость моря безпредѣльнаго, благословенное обиліе плодовъ земли: винограда, маслины и смоковницы, живые и журчащіе источники,—то всѣмъ этимъ, въ такомъ же совершенствѣ, ущедрена отъ Господа и наша Таврида. Если Аеонѣ обилуетъ священными памятниками и воспоминаніями, то и русскій Аеонѣ—Таврида не уступитъ въ этомъ Аеону греческому. Тутъ святыя слѣды стопъ св. Андрея Первозваннаго; тутъ кровь св. папъ—Климента и Мартина; тутъ подвиги Стефана Сурожскаго и первоапостоловъ славянскихъ—Кирилла и Меѳодія; тутъ память св. Владиміра и его крещенія: сколько примѣровъ вѣры и добродѣтели! А между тѣмъ, въ отношеніи къ русскимъ отшельникамъ, Таврида далеко превзойдетъ Аеонѣ (говоримъ это не по соперничеству, коему въ семь святомъ дѣлѣ не можетъ быть мѣста, а по необходимости—для уясненія дѣла) миромъ и удобствомъ для тѣхъ изъ нашихъ соотечественниковъ, кои нынѣ ищутъ для себя глубочайшаго безмолвія въ обителяхъ аеонскихъ. Тяжело, а должно сказать, что набожный русскій человѣкъ, ищущій мира душѣ своей въ Аеонѣ и воображающій найти тамъ рай духовный, встрѣчаетъ нерѣдко тяжкія утѣсненія, отчего многіе и возвращаются назадъ, распространяя по Россіи, не въ пользу вѣры и православія, невыгодныя молвы объ Аеонѣ. Какъ бы хорошо было, посему, предоставить съ нашей стороны русскимъ подвижникамъ всѣ средства, пособія и удобства—съ благословеніемъ Божиимъ устроить свой русскій Аеонѣ! Сколько бы душъ нашло пристанище для себя, такъ сказать, дома, не оставляя родины, не подвергая себя утѣсненію турокъ! Таврида наша, съ горами своими и священными воспоминаніями, представляетъ къ тому единственное средство».

При устроеніи «своего русскаго Аеона», не мало предстояло труда пресвященному Иннокентію, который и самъ сознавалъ это болѣе, чѣмъ кто-либо другой. Уже будучи въ Петербургѣ, въ томъ же 1849 г., пресвященный сообщалъ своему другу: «Князь

Воронцовъ прекрасно отвѣчалъ о нашемъ Аeonѣ будущемъ Перекрестясь, пойдемъ съ нимъ и за нимъ въ св. синодъ. Хлопотъ и заботъ будетъ множество съ этимъ ребенкомъ. Но что дѣлать! перенесемъ во имя Господне!» Какъ упомянуто, св. синодъ одобрилъ предположеніе Иннокентія о возстановленіи св. мѣстъ въ Крыму и испрошено было высочайшее на то разрѣшеніе въ 1850 году. 15-го августа этого года совершилось торжественное открытіе главнаго скита въ скалѣ Успенской, что близъ Бакчисарая. Мало по малу, постепенно открывались и другіе скиты— въ Херсонесѣ, Инкерманѣ и проч.

Не красна была жизнь первыхъ скитниковъ. «Крымскія дѣла наши (говоря древнимъ нашимъ языкомъ о новыхъ нашихъ учрежденіяхъ),—писалъ преосвященный своему петербургскому другу 18-го декабря 1850 г.,—идутъ, слава Богу, уснѣшно. Господь самъ послалъ намъ о. архимандрита Поликарпа¹⁾; онъ живетъ доселѣ въ каменной холодной скалѣ, мужается самъ, воодушевляетъ другихъ и устроиваетъ огражденіе мѣсту, въ чемъ настояла первѣе всего нужда. Являются и благотворители, такъ что въ слѣдующемъ лѣтѣ надѣмся устроить довольно пріюта не только для обитателей (теперь они зимуютъ яко лисы въ каменныхъ язвицахъ), но и для посѣтителей. Всѣхъ насъ поразило удивленіемъ пророчество о Крымѣ, напечатанное въ недавно вышедшемъ томѣ «Одесскаго общества древностей», подъ заглавіемъ: «Записка о Крымѣ священника»²⁾. Томъ сей, безъ сомнѣнія, есть у васъ: прочтите и подивитесь. Что связано тамъ, сказано болѣе, нежели за двѣсти лѣтъ».

Затѣмъ, въ послѣдующихъ письмахъ въ другу, преосвященный Иннокентій говоритъ, что скиты крымскіе помаленьку устроятся, что находятся и достойныя въ нихъ труженики, и добрыя

¹⁾ Объ этомъ лицѣ Иннокентій постоянно отзывался весьма сочувственно, называлъ его «драгоценнымъ челоуѣкомъ» и проч. Поликарпъ (Радкевичъ) былъ потомъ викаріемъ херсонскимъ и епископомъ орловскимъ. † въ 1867 г. («Списки іерарховъ и настоятелей монастырей російскія церкви», П. Строева, 1877 г., изд. подъ ред. М. И. Семеваго, столб. 906).

²⁾ По всей вѣроятности, въ т. II, 1850 г., стр. 285 и слѣд. Записка, о которой идетъ рѣчь, заглавляется такъ: «Повѣсть извѣстна и удивленію достойна о мощахъ недовѣдомаго святаго, како обрѣтошася и въ конхъ странахъ, и въ коемъ градѣ, и въ которое время. Списано многогрѣшнымъ попомъ Іаковомъ въ лѣто 7148/1634 года».

люди съ благотворительностію. 20-го декабря 1853 г. преосвященный, между прочимъ, писалъ: «Крымъ мой и поразстроилъ меня въ здоровьи, и порадовалъ. Теперь, благодаря видимой помощи свыше, можно съ увѣренностію сказать, что пустынножителство таврическое не благочестивое мечтаніе, а истинное событіе и дѣло благое».

Въ послѣдній разъ преосвященный Иннокентій посѣтилъ свой любимый Крымъ весною 1857 г., за мѣсяць до своей смерти. Вечеромъ 25-го апрѣля преосвященный прибылъ въ Бакчисарай и въ Успенскій скитъ. «Привѣтливо,—разсказываетъ протоіерей Логиновскій,—благословилъ архипастырь пустынныхъ труженниковъ. Обитель—въ совершенномъ уединеніи, между громаднхъ вѣковыхъ скалъ. «Вотъ мы поустроились, слава Богу,—говорилъ владыка, проходя по монастырю.—А какова мѣстность? Не правда-ли, это совсѣмъ другой, особый міръ? Здѣсь-то работать для единого на потребу никто и ничто не мѣшаетъ. И такія мѣста были оставлены безъ вниманія, и о святыхъ Крыма, гдѣ пролили кровь свою за Христа первые просвѣтители этой страны, гдѣ крестился нашъ Владиміръ Равноапостольный,—о такой святынь было забыто въ православной Россіи!.. Благодарю всегда Бога, что удостоилъ меня потрудиться для сей священной древности и съ тѣмъ вмѣстѣ поставить крестъ на пустынныхъ проствавахъ Новороссіи, какъ помочь Онъ мнѣ поднять изъ развалинъ вѣковыя обители харьковскія».

Подобно Харькову, преосвященный Иннокентій учредилъ въ Одессѣ два торжественныхъ крестныхъ хода: одинъ въ день основанія города (совершается 22-го августа), а другой—въ день ежегоднаго перенесенія въ Одессу Касперовской иконы Божіей Матери. Главная особенность перваго изъ этихъ крестныхъ ходовъ заключалась въ томъ, что въ немъ были употребляемы иконы, или вѣрнѣе—точные копіи (не только въ живописи, но и въ размѣрѣ) съ прославленныхъ и чудотворныхъ иконъ, которыя преосвященный ревностно приобрѣталъ не только изъ всѣхъ концовъ Россіи и Сибири, но даже и съ Востока. Такимъ образомъ составлялся Иннокентіемъ своеобразный священный музей. Объ этомъ однажды, 17-го іюня 1849 г., преосвященный писалъ своему пербургскому другу:

«Мы и не безъ утѣшенія. Что ни почта, къ намъ изъ разныхъ мѣстъ прибываютъ гости дороги—копѣи съ чудотворныхъ иконъ. Это будетъ священный музей нашъ. Граждане, одинъ за другимъ, наперерывъ берутся обдѣлывать ихъ окладами. Все это, конечно, наружность, но слава Богу и за нее; кто полюбилъ азбуку, тотъ выучится читать, а кто будетъ читать, тотъ, при вниманіи и руководствѣ, недалеко и отъ разумѣнія».

Мы упоминали въ своемъ мѣстѣ, что преосвященный смотрѣлъ на крестные ходы, какъ на одно изъ средствъ возбужденія религіознаго чувства въ народѣ и потому относился къ совершенію ихъ крайне внимательно, того же требовалъ и отъ другихъ, при чемъ благочиніе и торжественность стояли на первомъ планѣ ¹⁾. Такъ было и здѣсь, въ Одессѣ, тѣмъ болѣе, что этотъ крестный ходъ, «какъ новое растеніе, — по словамъ Иннокентія, — посаженное притомъ на такой неудобной почвѣ, какъ одесская, необходимо требовалъ для вкорененія своего бдительнаго и продолжительнаго ухода за нимъ». Но у преосвященнаго, при личномъ его участіи, дѣло обходилось благополучно и въ началѣ.

¹⁾ Одно изъ лицъ, бывшее благочиннымъ въ Севастополѣ, въ своихъ «Воспоминаніяхъ» объ Иннокентіи, между прочимъ, повѣствуетъ: «Благочинныхъ онъ (преосвященный) любилъ называть своими «глазами». Кто оправдывалъ такія ожиданія его, тому онъ былъ другъ и братъ; для такихъ онъ былъ и подписывался «усердѣйшимъ слугою». Но горе, если случалось прогнѣвить чѣмъ-либо этого усердѣйшаго слугу, отца и брата. Тутъ онъ бывалъ владыкою, который иногда жалъ и тамъ, «идѣже не расточалъ».... Отвѣчая на разные вопросы по службѣ моей, я, между прочимъ, сказалъ владыкѣ, что у насъ, по случаю болѣзни (или другаго какого-то бѣдствія—не помню ужъ хорошо), совершали нынѣшнимъ лѣтомъ (1849 г.) крестный ходъ изъ города къ источнику Іоанна Постнаго, что близъ греческаго сел. Комари. «Какъ? съ чьего благословенія?»—гнѣвно спросилъ онъ.—Были примѣры и прежде,—отвѣчалъ я. Такъ, въ прошломъ году, еще до моего туда поступленія, совершали крестный ходъ изъ города въ Балаклавскій монастырь, по минованіи холеры. «Такъ у тебя совершаются крестные ходы,—можетъ быть, какая пародія на нихъ и я ничего не знаю?» еще гнѣвнѣе замѣтилъ мнѣ владыка.—Не знаю—въ прежнемъ, а въ послѣднемъ наше епархіальное духовенство не участвовало,—еще продолжалъ я защищаться;—этотъ крестный ходъ совершали священники адмиралтейскіе, не нашего вѣдомства. «И безъ твоего вѣдома ходятъ къ нашимъ источникамъ и монастырямъ? для чего жъ я тамъ поставилъ тебя?». Нужно было наконецъ замолчать, пока громъ и молнія пройдутъ сами собою. «Поди домой,—сказалъ наконецъ спокойнѣмъ тономъ преосвященный; придешь другой разъ, есть еще за что и похвалить» («Херсон. епарх. вѣдомости» за 1862 г., № 1).

«Давно я не бесѣдовалъ съ вами, — писалъ Иннокентій своему столичному пріятелю 29-го августа 1849 г. — Причиною молчанія поѣзда (по епархіи), среди которой обыкновенно останавливается всякая корреспонденція, а по возвратѣ все время занималъ крестный ходъ. Хотѣлось не унижить его и по виѣшнему виду въ глазахъ и своихъ, и чужихъ. И, слава Богу, все вышло какъ желалось, даже паче ожиданія. Оказалось, что городъ нашъ не безъ чувства религіознаго. Доказательствомъ тому, между прочимъ, служить добровольное предложеніе одного гражданина въ память сего дня устроить на берегу моря, въ серединѣ гаваней, часовню для помѣщенія св. иконъ, полученныхъ изъ разныхъ мѣстъ Россіи. Это будетъ то же, что въ Москвѣ часовня Иверской Богоматери. Иначе такое собраніе иконъ негдѣ было бы и помѣстить прилично: ни одна церковь не способна къ тому».

Упомянемъ еще, что преосвященный, по прежнему, любилъ совершать богослуженіе и въ Одессѣ, и во время своихъ продолжительныхъ путешествій по епархіи, и почти въ каждую службу говорилъ краткія поученія, простыя, общедоступныя, но тѣмъ не менѣе производящія сильное впечатлѣніе на слушателей. Не безынтересно замѣтить, какимъ образомъ иногда преосвященный находилъ матеріалъ или содержаніе для своихъ импровизированныхъ проповѣдей.

«Изучая и исправляя, при обзорѣ епархіи, духовенство, — говорится въ однихъ «Воспоминаніяхъ» объ Иннокентіи, — онъ изучалъ виѣсть и пользовалъ паству свою и мірскую. Какимъ именно образомъ? Если, напримѣръ, предполагалось имѣть служеніе въ какомъ либо городѣ, накануне владыка, какъ бы изъ любопытства, задавалъ благочинному (а онъ долженъ былъ все знать) вопросы: каковъ этотъ городъ? изъ какихъ онъ состоитъ сословіи? что вы знаете, напримѣръ, объ этомъ изъ нихъ? а о томъ и томъ? какими здѣсь занимаются ремеслами и промыслами? есть ли у васъ и общественныя увеселенія — какъ они ведутся? и проч. и проч. Такимъ образомъ доходилъ до всего, какъ говорится, до подноготной. Завтра является онъ передъ паствой съ пастырскимъ жезломъ и словомъ, — и къ удивленію вашему и самой паствы — бесѣдуетъ съ нею, какъ давно и близко ему знакомо. Вотъ, между прочимъ, почему собранія поученій его, напримѣръ, къ паствѣ вологодской и паствѣ харьковской, такъ ясно выражаютъ въ себѣ фзіономію самихъ этихъ паствъ»¹⁾.

¹⁾ «Херсон. епарх. вѣдомости» 1862 г., № 1.

Кромѣ того, много преосвященному представлялось въ это время и другихъ заботъ, сопряженныхъ съ разными безпкойными хлопотами. Такъ, въ январѣ 1851 г., сгорѣлъ архіерейскій домъ, при чемъ «всего болѣе пострадали бѣдныя книги и бумага, коиъ (ибо огонь коснулся тѣхъ комнатъ) досталось съ верхняго этажа прямо летѣть въ садъ». Преосвященный озаботился постройкою новаго дома. Около этого же времени не отыскивались многія спеціальныя книги, взятыя имъ у разныхъ лицъ, преимущественно у своего петербургскаго друга, для «Догматическаго Сборника». Это обстоятельство, какъ видно изъ писемъ къ другу, очень тревожило Иннокентія, такъ какъ книги были чужія, да при томъ многихъ купить негдѣ, а другихъ и достать невозможно; между тѣмъ отъ него требовали настоятельно.

«Что мнѣ дѣлать съ требуемыми отъ насъ книгами?—писалъ однажды преосвященный (20-го декабря 1851 г.) своему петербургскому другу.—Сколько ни искали, нигдѣ не находимъ. Развѣ не пропали-ль во время нашего пожара, ибо бібліотека моя вся была выброшена изъ окошекъ въ садъ и вообще много пострадала; но мнѣ твердо помнится, что передъ моимъ отъѣздомъ всѣ книги и рукописи по «Сборнику» были препровождены къ вамъ. Благоволите вникнуть въ это дѣло. Или не зашли-ль какъ нибудь къ преосвященному Макарію, или къ Ивану Петровичу Сахарову? или Богъ знаетъ, что и думать, а крайне совѣстно, что не отвѣчаю до сихъ поръ его сіятельству на отношеніе о сихъ книгахъ. Бѣда, да и только!»

Путешествія преосвященнаго Иннокентія, почти каждагодня, на зиму въ Петербургъ, а на лѣто обратно въ Одессу, продолжительныя обозрѣнія обширной епархіи, постоянныя заботы по управленію вѣренной паствы, особенно же чаще и чаще повторяющіеся недуги—все это, конечно, не могло располагать къ учено-литературнымъ занятіямъ знаменитаго херсонскаго архіепископа. При всемъ томъ, онъ находилъ время предаваться и этимъ занятіямъ, хотя творческій умъ Иннокентія и не проявлялъ себя въ столь разнообразной духовно-литературной дѣятельности.

● «Ужъ не передъ концомъ ли жизни,—писалъ преосвященный своему петербургскому другу, отъ 11-го іюня 1851 г.,—во мнѣ

родилась охота, и не малая, заняться пересмотромъ прежде писаннаго мною. Такимъ образомъ, пересмотрѣны проповѣдническія книги и могутъ быть изданы въ свѣтъ. Такъ, пересмотрѣны и исправлены 4 тома «Послѣднихъ дней Христовыхъ». Даже что? Есть желаніе въ послѣдній разъ пересмотрѣть «Сборникъ Догматическій». У васъ онъ былъ, такъ сказать, на рукахъ: скажите, въ какомъ видѣ онъ можетъ быть изданъ? Я готовъ опустить, убавлять, что угодно; но прибавлять некогда, даже нѣтъ возможности сноровиться вполне съ замѣчаніями, у васъ сдѣланными: для сего необходимо множество книгъ, коихъ у васъ нѣтъ. Да при томъ, при сихъ замѣчаніяхъ, кажется, предполагалось издать «Сборникъ» отъ лицъ церкви или св. синода, а у меня онъ предполагается быть изданнымъ частно, слѣдовательно не требуетъ такой точности и непреложности. Ошибусь—это моя вина, и только».

Пресвященный херсонскій и въ этотъ періодъ времени не переставалъ заниматься составленіемъ акаѣистовъ; такъ, онъ составилъ акаѣисты: архангелу Михаилу, пресвятой Троицѣ, Воскресенію Христову и др. Выше нами замѣчено, что этого рода церковныя молитвословія требуютъ особенныхъ душевныхъ свойствъ отъ автора, особенно же глубокаго религіознаго чувства. «Хочется еще,—писалъ пресвященный однажды (29-го ноября 1854 г.) своему петербургскому другу,—если дастъ Господь, составить акаѣистъ на причащеніе св. Тайнъ. Время это—исповѣдь и причащеніе—въ жизни каждаго человѣка есть одно изъ важнѣйшихъ и наиблаготворнѣйшихъ въ дѣйствованію на душу во благое. Но предметъ этотъ такъ высокъ, обширенъ и божественъ, что не скоро соберешь духа подойти къ нему съ перомъ». Акаѣистъ этотъ все-таки былъ составленъ пресвященнымъ.

Иннокентій былъ не только даровитымъ авторомъ церковныхъ пѣснопѣній, но и глубоко-знающимъ истолкователемъ ихъ; то же должно сказать о канонахъ, молитвахъ и проч. Поэтому не удивительно, что множество лицъ обращались къ нему за разъясненіями своихъ недоумѣній. Мы не находимъ нужнымъ приводить примѣры подобныхъ обращеній; укажемъ лишь на одинъ, какъ нельзя болѣе подтверждающій сказанное нами. Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Николаевичъ изволилъ однажды обратиться къ пресвященному Ин-

покаентию именно за разъясненіемъ темныхъ, неудобопонятныхъ мѣстъ и выраженій въ нѣкоторыхъ молитвахъ и духовныхъ пѣсняхъ.

10-го февраля 1852 г. Иннокентій писалъ своему петербургскому другу по этому поводу слѣдующее: «Недавно получилъ я изъ Венеціи любопытное посланіе отъ Великаго Князя Константина Николаевича, свидѣтельствующее, какъ по христіански проводить оное время. Истинно рѣдкій примѣръ усердія къ богослуженію и книгамъ молитвеннымъ, посему-то я и рѣшился подѣлиться съ вами замѣчаніями Князя, прося васъ усерднѣйше, чтобы это осталось между мною и вами».

Приводимъ дословно письмо Его Императорскаго Высочества и «тетрадь», въ которой помѣщены мѣста или выраженія, требующія разъясненія.

Венеція.—Января 17-го (29-го) 1852 г.

«Пресвященнѣйшій владыко и архипастыр! По требованію врачей, я долженъ провести всю зиму нынѣшняго года въ Венеціи. Во все это время буду лишенъ утѣшенія слышать православное богослуженіе на родномъ языкѣ, и не буду имѣть возможности исполнить священный долгъ говѣнія. Стараясь замѣнить сколько нибудь потерю сію другими духовными упражненіями, я, между прочимъ, обратилъ вниманіе на тѣ мѣста нѣкоторыхъ молитвъ и духовныхъ пѣсней, которыя казались мнѣ непонятными. Эти мѣста выписаны въ прилагаемой тетради съ указаніемъ на страницы молитвенника, напечатаннаго въ Киевѣ въ 1850 году. Прошу васъ, пресвященнѣйшій владыко, удѣливъ мнѣ нѣсколько времени посвящаемаго вами ввѣренной вамъ паствѣ, сдѣлать объясненіе помянутыхъ мѣстъ и переслать на мое имя въ Венецію, гдѣ располагаю остаться до конца апрѣля. Я буду искренно благодаренъ за исполненіе этой просьбы. Трудъ вашъ будетъ продолженіемъ тѣхъ полезныхъ уроковъ, которые я постоянно находилъ въ вашихъ сочиненіяхъ, составляющихъ предметъ чтенія моего неоднократно въ каждомъ году. Мнѣ было бы весьма пріятно узнать отъ васъ о преуспѣяніи на полуостровѣ Таврическомъ общежительствѣ, устроенныхъ тамъ, по вашей мысли, на подобіе пустынножителей Аэона, и вообще имѣть нѣкоторыя свѣдѣнія о духовной жизни ввѣренной вамъ паствы. Проводя

Богородиченъ.

Ірмосъ.

- Халдеи же опаляющее велѣніе Божіе, мучителя увѣща вопити...
31. Волитель милости извѣствованъ яко Богъ милостивъ.
33. Господоначальную Херувимъ и богоначальную безъ сравненія Серафимъ. Упакон гласа.
34. Аще азыкомъ неизбѣжныхъ и стропотныхъ и крѣпкихъ свѣтей обломся.
44. Яко положенна я хребеть во избытцѣхъ твоихъ, уготовиши лице ихъ.
47. И начинаемъ шестопсалміе со всякимъ молчаніемъ и...
Пострадахъ и слякохся до конца.
49. Яко отъ тука и масти да исполнится душа моя.
Предадутся въ руки оружія, части лисовомъ будутъ.
54. Въ понедѣльникъ перваго троячнѣ...
а у прочихъ двою троячновъ глаголати.
62. Ікосъ.
64. Аще убо нѣсть недѣля по ірмосѣ.
Достойно есть, аще же недѣля, или полудей пѣть, покатаваси эктениа.
И свѣтиленъ.
66. Ексапостилларія всея седмицы.
Крестобогородиченъ.
67. Трояцу почитати святую, апостоли спасови.
Подобны.
Предсѣдателя Муринскіаго Николая.
68. Хвалите Господа отъ земли—огнь, градъ, снѣгъ, голоть.
69. Да восхвалятъ имя его въ лицѣ, въ тимпанѣ и псалтири да поють ему.
80. Тукъ свой затвориша, уста ихъ глаголаша гордыню.
84. Смятохся отъ гласа вражїи и остуженїа грѣшника.
85. Не дасть въ вѣкъ молвы праведнику. Ты же Боже низведши
я въ студенець истлѣнїа.
86. Не убояшися отъ стрѣлы отъ сряца и бѣса полуденнаго.
89. И аще убо Богъ Господь пѣть есть, изобразительная глаголемъ здѣ.
92. Боже — и не предложиша тебе предъ собою.
95. Начало изобразительныхъ.
97. Заступи отъ житейскихъ страстей — прилога.
99. Ковдакъ.
аще же есть храмъ Господскїй, глаголи первѣе храма.
Яко шипомъ священнѣйшїи отъ земля обрѣтеса.
Тезоименитому твоему новому жительству.
103. Тебѣ молюся и тебѣ милсѣдѣю.
110. За уованіе отложеное намъ.
111. Сотвориши со искушенїемъ и избытіе, яко возмоши намъ понести.
119. Во исповѣданїе и велелѣпноту облеклся еси.
Тамо птицы возгвѣздятса, еродіево жилище предводителствууетъ ими.
121. Стихословіе псалтыря.
122. Пожерты быша при камени судїи ихъ.

- Услышатся глаголы мои яко возмогша: яко толща земли просѣдеса на земли.
123. Стихиры.
Снѣди сладкія видѣніемъ смерть исходатаихъ и страненъ ея ради Божія славы и жизни явися.
124. Утоли пажить грѣховную.
125. Прокимены.
127. На стиховнѣ стихиры, поношеніе гобзующихъ.
131. Великій каноникъ.
135. Яко слышахъ гажденіе многихъ, живущихъ окрестъ.
Настоящіе тропари.
142. И кости моя яко сушило соскошася.
Уподобися неясныи пустыней.
Бдѣхъ и быхъ яко птица особающаяся на здѣ.
143. Да напишется сіе въ родъ нѣтъ, и людіе зиждемъи восхвалятъ Господа.
Не возведи мене въ преполовеніе дней моихъ, въ родѣ родовъ гѣта твоя.
147. Духъ твой благіи наставитъ мя на землю праву.
149. Хвалите его въ тимпанѣ и гдѣхъ, хвалите въ кимвалѣхъ восклицанія.
158. Страстей мя смущаютъ прилози.
159. Богородице предвари и отъ бѣдъ избави насъ.
Страстей моихъ смущеніе кормчію рождшая Господа.
160. Самъ ся издавъ смерти.
Напастей рѣшащу и олвы и налоги бѣсовъ отгоняющу.
170. Соблуди насъ отъ всякаго мечтанія и темныи сласти, кромѣ...
178. Радуйся божественная ручко манны.
Радуйся адамово воззваніе.
179. Да возведетъ человекѣна, яко единъ силенъ, въ первое достояніе съ раствореніемъ.
180. Канонъ благодаренъ, его же краеграніе сидево:
Живый и независтный источникъ.
Радуйся стамно, манну носящая.
183. О тебѣ роса укѣну.
Пристаннице намъ буди влающимъ.
185. Радуйся, еже како ни единого же научившая.
Радуйся ниво, растающая гобзованіе щедротъ.
187. Радуйся тимѣннѣя изымающая дѣлѣ.
190. Вѣтія многовѣщаннѣя яко рыбы безгласныи видимъ.
191. Радуйся, ты бо наказала еси окраденныи умомъ.
Радуйся тлителя смисловъ упражняющая.
201. Искити мя изъ руки льстиваго веліара.
218. Студныхъ помышленій во мнѣ точить.
220. Облечеса псаломски изъ тебе Богомати въ краснѣйшее благолѣпіе.
221. И дряхлушии посушенія исполненъ избавителю мой.
Ставиломъ дубравы и горы мѣриломъ разума поставивый.
228. И отъ онудными свѣтлостыи облистываемыи, и свѣтолитіи вѣчно сіяюще и свѣти бывающе вторіи.
Свѣта исполняемыи и свѣщи соображаемыи, прилично показуемыи.

Тропарь.

Канонъ.

Примось.

231. И веселіе бысть во спасеніи твоємъ безвещнымъ.
 234. Въ купивъ огнемъ Приснодѣвы Мойсееви тайну явльшаго.
 246. На стиховѣ стихирѣ самогласны.
 Воскресени Господи въ покой твой, ты и животь святыни твояе.
 249. Постиге рудъ досадительныа державу, усѣченіемъ судъ нанесъ.
 Естествомъ подобна чистая исхождение разрѣши.
 250. Испражненія переходящее земная, яко чудеса дѣла твоя.
 251. Сосудъ подобаше избранный пѣніемъ ти весь удивляемъ.
 Дѣвице псходенъ.
 252. Безстудней ярости же и огню Божественное желаніе сопротивлялся,
 огонь убо орошаше, ярости же сѣяшася Богодохновенною словесною
 преподобныхъ тривѣщанною цѣвницею противувѣщая мускійскимъ
 органомъ посредѣ пламене препрославленный отецъ и нашъ Боже
 благословенъ еси.
 255. На хвалитехъ стихирѣ.
 259. И еже по образу окаляхъ, Чистая, и по подобію.

Въ заключеніе настоящей главы скажемъ, что въ апрѣлѣ 1853 г. преосвященный Иннокентій «за отличное и достойное пастьрское служеніе церкви, всегда украшающееся назидательными для паствы трудами и просвѣщенною заботливостію о благѣ преемственно ввѣряемыхъ епархій, и за новые опыты сей полезной духовной дѣятельности» высочайше сопричисленъ къ ордену св. Александра Невскаго.

VI.

«Много придется исторіи говорить и писать въ поясненіе нынѣшнихъ событій, кои, очевидно, и сложились бы, и разрѣшились бы не такъ, какъ идетъ дѣло, еслибы въ эту машину не втиснулось нѣсколько пружинъ, превращающихъ ея дѣйствіе». Такъ говорилъ Иннокентій въ одномъ изъ писемъ къ своему петербургскому другу въ концѣ 1854 г., и слова его оказались вѣрны.

Какое участіе принималъ въ этихъ событіяхъ преосвященный? Что дѣлалъ, какъ поступалъ онъ въ эту тяжкую годину не только для его епархій, но и для всей Россіи? Къ сожалѣнію, на такіе и имъ подобные вопросы приходится отвѣчать далеко не удовлетворительно: о дѣятельности херсонскаго архипастыря въ крым-

скую войну имѣется очень мало свѣдѣній, и въ этомъ отношеніи желательно многого. Но и изъ тѣхъ немногихъ данныхъ, которыя имѣются подъ руками, нельзя не видѣть, что Иннокентій доблестно исполнилъ долгъ и духовнаго архипастыря, и самоотверженнаго гражданина. Приведемъ нѣкоторые факты.

29-го марта 1854 г. прибылъ въ Одессу Бѣлгородскій уланскій полкъ. Священникъ этого полка не преминулъ явиться къ Иннокентію, который, спросивъ кое-о чемъ священника, на прощаньи, сказалъ: «къ намъ скоро, вѣроятно, пожалуютъ заморскіе гости... На васъ, какъ на полковомъ священникѣ, лежитъ важная обязанность въ настоящее военное время; не преставайте внушать духовнымъ вашимъ дѣтямъ ихъ высокія обязанности по отношенію къ церкви, государю и отечеству. Въ минуты опасности воодушевляйте ихъ словомъ святой нашей религіи».

8-го апрѣля непріятельскій флотъ вошелъ въ одесскій рейдъ и сталъ въ боевомъ порядкѣ. «10-го апрѣля,—разсказываетъ одинъ очевидецъ,—въ 6 часовъ утра великой субботы, раздался первый пушечный выстрѣлъ, за нимъ второй, третій, четвертый! и въ нѣсколько минутъ воздухъ огласился страшнымъ громомъ кровавой брани... Дрогнула земля, поколебались стѣны домовъ и солнце скрылось за тучи пороховаго дыма... Три часа по полудни... Частые удары соборнаго колокола какъ-бы вторили неумолкаемому гулу учащенныхъ выстрѣловъ... Въ величественномъ одесскомъ соборѣ архипастырь совершалъ литургію... Богослуженіе приходило уже къ концу; вдругъ раздался страшный взрывъ¹⁾: крѣпкія соборныя стѣны поколебались, стекла задрожали, хвалебное пѣніе умолкло, и изумленный и уstraшенный народъ повалился на церковный помостъ... моментъ былъ роковой: всѣмъ казалось, что громадный куполъ собора отъ сильнаго сотрясенія рухнетъ... Одинъ архипастырь остался непоколебимымъ. Терпѣливо выждавъ, пока испуганный народъ пришелъ къ чувству самосознанія, онъ, исполненный мужества и крѣпкой вѣры, вышелъ изъ алтаря и съ свойственнымъ ему краснорѣчіемъ началъ бесѣду... На колокольнѣ пробило 5 часовъ; но громъ пушекъ, взрывъ гранатъ и бомбъ все еще продолжались, и многія изъ нихъ ложились у самыхъ дверей церковныхъ. Наконецъ, служба

¹⁾ Пороховаго ящика на Щеголевской батарее.

кончилась и народъ спѣшилъ подъ кровъ прострѣленныхъ домовъ своихъ».

14-го числа непріятельскій флотъ оставилъ одесскій рейдъ. Черезъ три дня тому же свидѣтелю бомбардированія Одессы при- велось быть у Иннокентія, и онъ рассказываетъ, между прочимъ, слѣдующее:

«Архипастырѣ былъ въ прекрасномъ расположеніи духа и, высказывая чувства, которыя испытывала его душа въ 10-й день апрѣля, между прочимъ, говорилъ: «Я нѣсколько часовъ сидѣлъ у окна своей комнаты и слѣдилъ за движеніемъ непріятельскихъ пароходовъ, хотя изъ-за любопытства я могъ поплатиться жизнью: вѣдь домъ мой во многихъ мѣстахъ ранень... ¹⁾». Впрочемъ, я былъ увѣренъ, что Господь сохранитъ меня. Вотъ эти всѣ заграничныя яблоки (при этомъ онъ указалъ на столъ, гдѣ пирамидально возвышались разныхъ калибровъ ядра, бомбы и гранаты) собраны въ моемъ дворѣ, а нѣкоторыя вынуты изъ стѣны дома... Эта бомба,—продолжалъ владыка,—(самая большая, служившая основаніемъ пирамиды) оригинальнымъ образомъ своего дѣйствія заслуживаетъ особеннаго вниманія, а именно: когда ванонада значительно усилилась и дворъ мой начало засыпать бомбами и разными осколками, люди мои, движимые чувствомъ самосохраненія, вздумали скорониться въ это время въ подвалъ моего дома—мѣсто, дѣйствительно, безопасное, но второпяхъ, вѣроятно, не затворили плотно наружной двери,—и нужно же было случиться такъ, что едва только они успѣли расположиться въ подземномъ своемъ жилищѣ, какъ сильнымъ импетомъ бомбы, упавшей около самаго подвала, растворилась дверь и изумленному взору свободныхъ моихъ узниковъ предстала скачущая по каменнымъ ступенямъ эта самая бомба... Моментъ былъ ужасный! Мои люди, исцѣпившіе безопасности въ подвалѣ, видятъ вдругъ грозную смерть лицомъ къ лицу... Чтѣ дѣлать? Къ счастью, они не потеряли присутствія духа: прошелъ моментъ и ни одного изъ нихъ не было въ подвалѣ. Ставши въ почтительномъ разстояніи отъ подвала, они съ замираніемъ сердца ждали неминуемаго взрыва. Но прошло нѣсколько минутъ, взрыва не было,—

¹⁾ Архіерейскій домъ въ Одессѣ стоитъ надъ утесистымъ обрывомъ и заднею стѣною обращенъ къ морю; разстояніе между домомъ и моремъ не болѣе полверсты.

мертвая тишина царствовала въ подвалѣ. Келейникъ не преминулъ сообщить мнѣ объ этой комической сценѣ, прибавивъ, что бомба и теперь въ подвалѣ. Я,—продолжалъ преосвященный, улыбаясь,—велѣлъ запереть подвалъ и не беспокоить незванной гостии до завтра. Послѣ обѣдни я призвалъ одного монаха, служившаго прежде на флотѣ, и поручилъ ему разрядить бомбу и принести ее ко мнѣ. Вотъ теперь она у меня, и своимъ безмолвіемъ краснорѣчиво говоритъ о кровавомъ дѣлѣ (10-го апрѣля),—днѣ, въ который Господь Богъ благоволилъ излить на насъ обильныя свои щедроты сохраненіемъ богоспасаемаго нашего града»¹⁾.

Извѣстное дѣло при р. Альмѣ, кончившееся пораженіемъ русскаго войска, произвело страшный переполохъ между жителями всего Таврическаго полуострова, особенно—Симферополя. Въ этомъ городѣ татары ликовали, расхаживали въ праздничныхъ одеждахъ по улицамъ въ ожиданіи турко-англо-французовъ, какъ своихъ освободителей или избавителей. Напротивъ того, русскіе жители упали духомъ и впопыхахъ разбѣжались изъ города. Чрезъ нѣсколько дней, впрочемъ, они всѣ возвратились. Между тѣмъ, непріятельскій пароходъ привезъ въ Одессу раненыхъ въ сраженіи при Альмѣ.

«При видѣ этихъ несчастныхъ жертвъ растерзанныхъ,—говорить въ своихъ «Письмахъ» объ Иннокентіи сопутникъ преосвященнаго по Севастополю во время осады,—при видѣ торжествующаго непріятеля, при самыхъ нелѣпныхъ толкахъ объ альминскомъ дѣлѣ, какого русскаго сердце не было растерзано на части, и въ особенности въ Одессѣ, гдѣ свѣжіе еще лавры не успѣли завянуть. При такихъ обстоятельствахъ, Иннокентій оставался въ Одессѣ столько, сколько нужно было для усвоенія паствы во дни испытанія, и немедленно полетѣлъ въ бѣдствующей паствѣ въ Тавриду, чтобъ вмѣстѣ раздѣлить опасность. Прибывши въ Симферополь, когда уже возвратились граждане, и тутъ онъ нашелъ одно только малодушіе. Появленіе архіерея въ провинціи безъ зова, безъ свиты, чтó уже рѣдкость въ нашемъ быту,

¹⁾ «Духовный Вѣстникъ» 1862 г., № 4.

удивило, а болѣе обрадовало паству, жаждущую, болѣе чѣмъ когда либо, слова утѣшенія. Тутъ, въ соборномъ храмѣ, гегій Иннокентія разразился потокомъ укоризны въ малодушію. Слышавшіе это слово правды говорили, что оно такъ было сильно, что всѣ присутствующіе въ храмѣ слушатели отъ стыда краснѣли и плакали».

Сказавъ затѣмъ, на другой день, и слово утѣшенія симферопольцамъ, преосвященный отправился далѣе, въ городъ, гдѣ разыгрывалась кровавая драма—въ Севастополь.

«Во время осады и бомбардировки Севастополя,—замѣчаетъ въ своихъ «Письмахъ» сопровождавшій по этому городу Иннокентія,—все его вниманіе было обращено на мѣсто дѣйствія. Живши въ Одессѣ и посѣщая неоднократно Крымъ, онъ слѣдилъ за всѣми движеніями, постоянно былъ обложенъ картами, собиралъ самыя подробныя свѣдѣнія. Знакомые его говорили, что въ это время онъ былъ похожъ болѣе на полководца, нежели на архіерея. Вотъ что я самъ слышалъ въ Севастополѣ: еслибы архіерея Иннокентія назначили начальникомъ на такое-то мѣсто, то дѣло было бы хорошо».

Кстати замѣтимъ здѣсь, что преосвященный, при такомъ внимательномъ изученіи и наблюденіи обстоятельствъ обороны Севастополя, очень хорошо понималъ дѣло даже съ военной точки зрѣнія. Это доказываетъ, между прочимъ, цѣлый рядъ вопросовъ, предложенныхъ Иннокентіемъ графу Д. Е. Остенъ-Сакену. Такъ, напримѣръ, онъ спрашиваетъ: «Въ продолженіе осени и зимы былъ ли одѣтъ нашъ солдатъ, и дошло ли до него множество тулуповъ и другихъ вещей, искупленныхъ въ имперіи?» — «Почему мы, съ нашими силами, у себя дома, гдѣ, какъ говорятъ, и стѣны помогаютъ, ведемъ войну оборонительную и не можемъ перейти въ наступленіе? феноменъ необыкновенный въ исторіи войнъ!» — «Отъ чего, главнымъ образомъ, зависѣлъ неуспѣхъ на Альмѣ, на Инкерманѣ и на Черной?» На послѣдній вопросъ послѣдовалъ отъ графа такой отвѣтъ: «Не дерзаю сказать ничего, на основаніи изреченія Спасителя: «не судите, да не судимы будете»¹⁾.

¹⁾ «Военный Сборникъ» 1861 г., т. XX, стр. 134—138. Примѣчательно, что Иннокентій удивлялся положенію, въ какомъ онъ, обозрѣвая епархію, а въ

По прибытіи въ Севастополь, преосвященный на горѣ Сѣвернаго укрѣпленія, откуда видна вся линія, огонь и непріятельскія батареи, траншеи и лагерь, подробно разспрашивалъ о всякомъ бастионѣ; затѣмъ, изъявлялъ желаніе пройти по нашимъ траншеямъ. Но отъ этого «неумѣстнаго самоотверженія» благо-разумно удержали Инноцентія главнокомандующій князь Горчаковъ, графъ Сакенъ, генераль Тетеревиновъ (хорошо знакомый съ преосвященнымъ) и др. «Каждый изъ знавшихъ Инноцентія, — говорится въ «Письмахъ» сопутника преосвященнаго по Севастополю, — знаетъ, что онъ не боялся смерти и готовъ былъ всегда жертвовать собою. Но его могли ранить, или болѣе. Онъ пошелъ бы не одинъ по бастионамъ. Въ это время собраніе нѣсколькихъ лицъ въ одномъ мѣстѣ привлекало все вниманіе непріятели, и сыпались градомъ снаряды туда; а на бастионахъ и въ траншеяхъ не только нельзя было сказать что нибудь командѣ, но даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мы отправляли и богослуженіе шопотомъ, чтобъ не слышно было непріятели (когда онъ былъ въ 20-ти сажняхъ). И даже, до возможной степени, сокращали молитвословія, водосвятія и проч.... Какую бы пользу принесло присутствіе Инноцентія въ траншеяхъ? Какое бы дѣйствіе произвела рана его на тѣхъ, кои вѣрою жили, побуждали и умирали?»

Съ Сѣверной стороны преосвященный на катерѣ отправился на Южную, тогда, какъ по рейду палили изъ мортирной батареи, поставленной на развалинахъ Херсонеса. «Мы были уже на срединѣ бухты, — рассказываетъ сопутникъ Инноцентія, — какъ летитъ бомба изъ Херсонеса. Я пристально гляжу на архіерея: мнѣ хочется видѣть — какъ на него подѣйствуетъ, и, грѣшенъ, признаюсь, хотѣлъ, чтобъ бомба упала поближе; она упала у насъ за кормою, и онъ такъ былъ твердъ, что трудно было уловить перемѣну въ его лицѣ. Я сказалъ: навались; ребята на-

томъ числѣ и Крымъ, предъ непріятельскою высадкою, нашелъ тамъ нашу военную силу, тогда какъ во всѣхъ иностранныхъ городахъ писали уже объ экспедиціи противъ полуострова. «Мы спали тогда, какъ-бы среди глубокаго мира; войска было мало, и то разбросано».

Н. В.

валились, и вотъ идетъ другая, и упала впереди насъ, дѣйствіе то же¹⁾.

Иннокентій, во все время пребыванія въ «окровавленномъ и опаленномъ» Севастополѣ, служилъ обѣдни и молебствія, говорилъ проповѣди, достойныя своего имени, раздавалъ начальникамъ войскъ иконы, воодушевлялъ, ободрялъ, убѣждалъ всѣхъ защитниковъ Севастополя отстоять честь имени русскаго,—и все это, такъ сказать, въ глазахъ грознаго непріятеля, который непременно желалъ «посмотрѣть этого русскаго архіерея».

Не смотря на всѣ, столь тревожныя и неблагопріятныя, обстоятельства послѣднихъ лѣтъ, преосвященный Иннокентій и тутъ изыскивалъ время для любимыхъ своихъ научныхъ занятій. Такъ, онъ приготовилъ и издалъ, въ двухъ томахъ, «Собраніе словъ и рѣчей по случаю нашествія непріятельскаго», «сбиралъ свѣдѣнія для историческаго описанія священныхъ древностей Крыма; усердно хлопоталъ объ осуществленіи своей давней идеи и программы «Церковнаго архива», имѣя въ виду соединить въ немъ всѣ важнѣйшіе письменные памятники, относящіеся къ нашей церковной исторіи и собираясь издать его на собственный счетъ».

По поводу послѣдняго обстоятельства, Иннокентій, 18-го декабря 1855 г., писалъ своему петербургскому другу: «Когда-то я вамъ посылалъ, помнится, изъ Харькова, программу «Церковнаго архива», предполагаемаго къ изданію въ свѣтъ. Если она цѣла у васъ, и если не трудно ее отыскать, то я просилъ бы васъ приказать выслать ее ко мнѣ».

Тутъ же преосвященный приписалъ: «Чтобы намъ сдѣлать хоть малое—напечатать особенною книжкою тѣ статьи изъ «Трудовъ Археографической Коммисіи», кои принадлежать къ церковной исторіи. Это было бы немалое одолженіе для занимающихся сею наукою—для всѣхъ академій и семинарій».

«Меня одолѣли археологическіе помыслы,—писалъ херсон-

¹⁾ «Въночь на могли высокопреосв. Иннокентія», изд. М. Погодинымъ. Москва, 1867 г., стр. 129 и слѣд. «Отрывки изъ писемъ о высокопреосв. Иннокентія».

скій владыка, отъ 13-го декабря 1856 г., въ автору «Біографической записки» объ Иннокентіи;—не только всѣ старыя затѣи лѣзутъ въ глаза, поднимаясь изъ архива давняго забвенія, но и новыя предположенія готовы вспорхнуть цѣлымъ стадомъ; только позволь и не притвори дверь»... «Я хлопочу теперь,—писалъ онъ уже въ 1857 г. (отъ 13-го апрѣля), незадолго до своей кончины,—узнать и провѣдать—нѣтъ ли чего для нашей церковной исторіи въ патріаршемъ константинопольскомъ архивѣ: вѣдь, по теоріи, тамъ многое должно быть, особенно касательно крымской іерархіи»... И, упомянувъ, затѣмъ, о примѣчательныхъ древнихъ обителяхъ по Анатолиі, присовокуцилъ: «мы тамъ уже нашли кое-что для исторіи Крыма».

За подвиги—награда; такъ было и съ преосвященнымъ Иннокентіемъ. Въ 1854 г., «въ ознаменованіе особаго монаршаго благоволенія къ доблестному служенію его церкви и отечеству, оказанному во время бомбардированія непріателемъ города Одессы», всемилостивѣйше пожалованъ ему алмазный крестъ для ношенія на клобукѣ. 10-го декабря того же года, «за пастырскую заботливость его о раненыхъ войнахъ, проливавшихъ кровь за вѣру, царя и отечество въ Крыму», изъявлена ему признательность святѣйшаго синода. Въ томъ же году преосвященный Иннокентій пожалованъ отъ греческаго короля орденомъ Спасителя 1-й степени ¹⁾. Въ 1855 г., «за особенно пастырское участіе въ благоустроеніи Крестовоздвиженской общины сестеръ милосердія», онъ получилъ благодарственный рескриптъ отъ ея императорскаго высочества великой княгини Елены Павловны. 15-го іюля того же года изъявлена ему высочайшая благодарность «за посѣщеніе Севастополя и богослуженіе въ немъ во время бомбардированія его непріателемъ». Наконецъ, 26-го августа 1856 г., въ день коронаціи нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора, Иннокентій «за просвѣщенное пастырское служеніе, ознаменованное отличными произведеніями дара слова къ наставленію душъ мирнымъ христіанскимъ добродѣтелямъ, а въ

¹⁾ Эта награда послѣдовала Иннокентію за его проповѣди, переведенныя на французскій языкъ (Стурдзою) и на греческій, а также за сочувствіе восточнымъ христіанамъ.

минувшіе два года увѣнчанное достохвальными подвигами самоотверженія въ назиданіе и укрѣпленіе паствы среди ужасовъ жестокой брани», возведенъ въ званіе члена святѣйшаго синода ¹⁾). Ему дана была серебряная медаль на георгіевской лентѣ, вмѣстѣ съ бронзовымъ крестомъ на владимірской, для ношенія на груди.

VII.

«Среди разнообразныхъ, непрерывныхъ трудовъ, среди новыхъ предпріятій и новыхъ заботъ для блага церкви и отечества, текла эта славная, многотрудная жизнь и, уже давно подточенная, тихо приближалась къ своему концу. Съ наступленіемъ 1857-го года, преосвященный чувствовалъ себя все хуже и хуже». Самъ преосвященный, еще слишкомъ за три года до своей смерти, въ одномъ изъ писемъ къ петербургскому другу, съ горечью выразился: «видно, приходятъ уже лѣта, о коихъ надобно будетъ говорить вмѣстѣ съ Экклезіастомъ: «въ нихъ же нѣсть ми хотѣнія».

Епархіальныя дѣла Крыма и въ этомъ (1857) послѣднемъ году жизни преосвященнаго Иннокентія неудержимо влекли его къ себѣ. Недавно опустошенный войною край, разоренные монастыри и церкви, неустроенныя кладбища павшихъ во время войны защитниковъ Севастополя—все требовало личнаго усмотрѣнія и распоряженія преосвященнаго.

По возвращеніи изъ этой поѣздки, «онъ предполагалъ,—говоритъ протоіерей Логановскій,—заняться внимательно поправленіемъ своего здоровья, потомъ съѣздить на Дунай, въ новоустроенный скитъ Терапонтіевскій, и лично распорядиться тамъ во всемъ; затѣмъ—посѣтить другія мѣста епархіи, особенно церкви въ военныхъ поселеніяхъ; и такимъ образомъ, по окончаніи главныхъ епархіальныхъ дѣлъ, свободно отправиться слѣ-

¹⁾ Когда нѣкто поздравилъ преосвященнаго съ такимъ высокимъ назначеніемъ, то онъ отвѣчалъ: «за титулами мы не гонимся и немного думаемъ о нихъ; но правами члена синода не упустимъ воспользоваться для нуждъ нашей епархіи».

дующимъ лѣтомъ въ давно желанный путь—на Востокъ»... Но предположеніямъ Иннокентія не суждено было осуществиться.

17-го апрѣля, вечеромъ, преосвященный отправился изъ Одессы въ дорогу. Проѣхавъ города Николаевъ, Херсонъ, Алекши и Перекопъ, прибылъ 21-го числа въ Евпаторію, гдѣ служилъ литургію и произнесъ проповѣдь. Черезъ день преосвященный пріѣхалъ въ Симферополь. Здѣсь служилъ обѣдню и съ особеннымъ воодушевленіемъ сказалъ проповѣдь о загробной жизни. «Въ Симферополь, — говоритъ Логановскій, — владыка имѣлъ постоянныя совѣщанія съ начальниками края о благоустройствѣ вообще всей Тавриды, и въ особенности церковей и монастырей, о средствахъ въ уничтоженію расколовъ, о возвышеніи христіанской церкви учрежденіемъ въ Крыму каеэдры православнаго епископа, объ обезпеченіи таврическаго духовенства домами и землями и объ ослабленіи иновѣрныхъ обществъ тамъ, гдѣ таковыя усилились въ вреду православной церкви. Предложилъ устройство церкви въ военномъ симферопольскомъ госпиталѣ, съ указаніемъ на средства содержанія въ ней священника, и общалъ ходатайствовать о семъ у военнаго министра. Поручилъ мнѣ заготовить окончательную отписку объ отволѣ земель нѣкоторымъ свитамъ» и проч.

Изъ Симферополя преосвященный прибылъ въ Бурмокъ, мѣсто альмійской битвы. Здѣсь онъ «шелъ тихо, по мѣстамъ оставиваясь, внимательно осматривалъ поле битвы, съ подробностью разспрашивалъ очевидцевъ о дѣлѣ, слушалъ чтеніе реляціи о семъ вн. Меншикова». У моста, гдѣ была самая сильная схватка сражавшихся, на площадкѣ, велѣлъ поставить часовню въ видѣ пирамиды, для ежегоднаго поминанія убитыхъ въ день сраженія.

27—30-го апрѣля болѣзнь очень усилилась; стали происходить частые и продолжительные обмороки.

5-го мая преосвященный былъ очень слабъ. Въ этотъ день ему, между прочимъ, читали статью о Богданѣ Хмѣльницкомъ, при чемъ онъ замѣтилъ:

— «Малороссы—кто не билъ, не мучилъ ихъ? И продавались-то они, и были продаваемы: все позволяли дѣлать надъ собой... И этотъ Хмѣльницкій—когда взялся за дѣло? когда отняли у

него хуторишко и любовницу; да и послѣ того какъ дѣйствовали? вяло, нерѣшительно, Божь знаетъ какъ»...

Въ Балаклавскомъ монастырѣ Иннокентій, при сильной болѣзни, «непрерывно почти занимался дѣлами; по словамъ его приготовлены мною ¹⁾: отношеніе къ военному министру—о жалованьѣ флотскимъ іеромонахамъ; къ новороссійскому и бессарабскому генераль-губернатору—объ отводѣ въ Крыму свободныхъ участковъ земли для раззоренныхъ крымскихъ скитовъ; къ таврическому губернатору—о притѣсненіяхъ нѣкоторымъ обителямъ, дѣлаемыхъ сосѣдними владѣльцами, и представленіе св. синоду—о вспомоствованіи крайне обѣднѣвшему Балаклавскому монастырю. Посылалъ письма къ разнымъ лицамъ, прося всѣхъ молиться о немъ; слушалъ чтеніе книгъ, назначалъ денежные пособія скитамъ; принималъ посѣтителей; окончательно исправилъ акаѳистъ ко св. причащенію и проч.. Изъ Балаклавскаго монастыря преосвященный выѣхалъ обратно въ Одессу, говоря: «Ахъ, какъ бы скорѣе домой... пожалуй, и умрешь здѣсь».

Иннокентій проѣзжалъ черезъ Симферополь и Перекопъ, гдѣ не переставалъ дѣлать разныя распоряженія; 9-го мая прибылъ въ корсунскій монастырь. Здѣсь преосвященный интересовался всѣмъ и, приказывая Логановскому доставить свѣдѣнія о нуждахъ монастыря, спросилъ его:

— «Что, каковъ монастырь? Видѣлъ церкви, келии, сады: все цвѣтетъ, благоухаетъ. Не забудь, что я самъ садилъ эти деревья».

11-го числа преосвященный прибылъ въ Одессу. Здѣсь созванъ былъ консиліумъ, на который приглашенъ и знаменитый Н. И. Пироговъ. Болѣзнь найдена не совсѣмъ опасною. «Въ это время онъ (преосвященный) былъ въ самой свѣжей памяти и совершенно свѣтломъ умѣ, но постоянно въ самоуглубленіи и молитвенномъ расположеніи духа; весьма мало говорилъ; рѣчь его была кратка и отрывиста; взоръ вопрошающій и умиленный; нерѣдко видали его молящимся, колѣнопреклоненнымъ..... Не разъ за нѣсколько дней до смерти проговаривалъ окружающимъ: «Такой болѣзни у меня не бывало; можетъ быть, я умру»; или: «все что-

¹⁾ Логановскимъ.

то плохо, важется, я умру»... Занятій не оставлялъ: слушалъ чтеніе книгъ; читалъ очеркъ жизни митрополита Платона; пересматривалъ и исправлялъ, приготовленную еще до болѣзни, службу священноученникамъ херсонскимъ. Иногда, сидя за письменнымъ столомъ, на лоскутьяхъ бумаги слабою рукою писалъ и молитвы, и стихи изъ псалмовъ Давидовыхъ. Тогда, и вообще во все время болѣзни, продолжавшейся ровно мѣсяць, со всѣми былъ ласковъ, добръ, тихъ и ко всѣмъ внимателенъ необыкновенно».

Наканунѣ своей смерти, 25-го числа, преосвященный Иннокентій съ утра до 3-хъ часовъ по полудни пробылъ на своей дачѣ; осматривалъ садъ и хозяйство; читалъ корректуру печатаемаго сочиненія: «Послѣдніе дни земной жизни Спасителя». По возвратѣ въ городъ, принималъ графа Строганова и говорилъ съ нимъ около часу. Послѣ всеобщей разговаривалъ, на балконѣ, съ викаріемъ. «Къ вечеру преосвященному стало хуже. Между прочимъ, онъ велѣлъ тогда выпустить изъ кѣтокъ всѣхъ птичекъ на волю». Преосвященный имѣлъ обыкновение подъ праздникъ Троицы спать на зеленой травѣ; такъ и теперь онъ приказалъ приготовить себѣ постель изъ свѣжаго сѣна, на полу въ гостиной....

«Уже свѣтало; часъ былъ 5-й въ началѣ; праздникъ св. Троицы (26-го мая). Владыка привсталъ, набожно перекрестился нѣсколько разъ; прошелся тихо по комнатѣ, поддерживаемый келейниками; взглянувъ на свѣтъ начинающагося дня и бросая внимательный, тревожный взоръ на окружающіе предметы, сказалъ: «Господи, какой день!»

«Потомъ приказалъ положить себя на сѣно; перемѣнялъ нѣсколько разъ положеніе, и, наконецъ, склонившись на грудь, сказалъ два раза:

— «А, вотъ такъ хорошо».

«Потомъ, сказалъ послѣшно:

— «Скорѣе—поднимите меня!» и на рукахъ двухъ келейниковъ, колѣнопреклоненный, незамѣтно скончался».

Послѣ настоящаго обзора документовъ и матеріаловъ объ Иннокентіи, находящихся въ распоряженіи редакціи «Русской Старины», а равно разбросанныхъ по разнымъ періодическимъ изданіямъ печатныхъ о немъ свѣдѣній, нельзя не придти къ заключенію, что знаменитый іерархъ нашей церкви, архипастыръ херсонскій, имѣлъ свѣтлый, чарующій всѣхъ образъ. Но—одинъ Богъ безъ грѣха. Преосвященный Иннокентій, какъ и всѣ извѣстнѣйшіе историческіе дѣятели, имѣлъ, конечно, свои слабости, недостатки и пороки. Покажѣсть, однако, мы объ этомъ ничего не знаемъ, и вотъ почему не наступила, по нашему мнѣнію, пора приступить къ оцѣнкѣ жизне-дѣятельности и трудовъ херсоно-таврическаго архипастыря, и вотъ почему сдѣланныя прежде въ этомъ отношеніи попытки мы находимъ если не пристрастными, то во всякомъ случаѣ не полными и односторонними.

Закончимъ прекрасными словами М. П. Погодина, сказанными имъ въ своемъ «Вѣнкѣ на могилу высокопреосвященнаго Иннокентія»:

«Но неужели Иннокентій не имѣлъ недостатковъ и пороковъ? Я терпѣть не могу безусловныхъ панегириковъ и не вѣрю въ земное совершенство, слѣдуя апостолу Павлу, сказавшему, что всякій человѣкъ есть ложь, и псалмопѣвцу Давиду, воскликнувшему: «аще ты, Господи, назриши,—кто постоитъ?» Иннокентій, какъ всѣ мы грѣшныя люди, имѣлъ, вѣроятно, свои пороки и недостатки: я не говорю о нихъ потому только, что ихъ не знаю. Случайно, въ продолженіе двадцати-лѣтней дружеской съ нимъ связи, представлялся мнѣ онъ съ одной своей свѣтлой стороны и производилъ во мнѣ то впечатлѣніе, которое въ слабыхъ чертахъ передалъ я выше. Темная, отрицательная его сторона осталась для меня, такимъ образомъ, неизвѣстною. Пороки и недостатки Иннокентіевы могли относиться къ его званію, къ привычѣ властвовать, къ заведенному порядку... Желательно, чтобъ всѣ они были скорѣе оглашены, тщательно изслѣдованы и безпристрастно обсуждены, да, читая ихъ, смиряемся мыслию, какъ слаба человѣческая природа, самая высшая,—да, читая ихъ, назидаемся, какъ осторожну и внимательну должно быть въ наблюденіи за собою, если и самые избранные, надѣленные Божьими

дарами, такъ легко увлекаются и такъ скоро падаютъ! Высокая душа Иннокентіева, вѣрно, сама будетъ рада такому обнаженію, чтобъ расчесться съ своими современниками и не получить отъ земли ничего лишняго, а расчесть съ небомъ у всякаго особый, «его же никто исповѣсть» до страшнаго суда Божія.

«Друзьямъ Иннокентія, слѣдовательно, нечего опасаться за его славу, за его память, какъ бы ни были велики его проступки, если были,—у него много останется еще въ запасѣ достоинствъ, за которыя должно будетъ намъ поминать имя его съ благодарностію во вѣки вѣковъ»¹⁾.

Н. М. Восточовъ.

¹⁾ Редакція «Русской Старины», отличающаяся, какъ извѣстно, полнымъ безпристрастіемъ въ обсужденіи поступковъ историческихъ лицъ и событій, вавѣрное, въ своемъ уважаемомъ изданіи предоставитъ открытыя страницы и для мнѣній не въ пользу знаменитаго іерарха; предоставитъ мѣсто для неизданныхъ рукописей и вообще матеріаловъ, относящихся къ лицу херсонскаго архипастыря—незабвенному и безсмертному Иннокентію. Н. В.